

Секция XI. Грамматика русского текста

Стратегическое текстопостроение русскоязычного и англоязычного бизнес-дискурсов

Е. В. Багумян

Киевский национальный лингвистический университет (Украина)

Прагматические стратегии, системная целостность текста, макро(микро)планирование, текстовое поэтапное моделирование, информационное центрирование

Summary. The report introduces foundations of modern business text generation that is a three stages process: analyzing the addressee, text planning and discourse analysis in terms of psychological and linguistic models.

Процесс создания бизнес-сообщения осуществляется в три этапа: анализ предполагаемого адресата, языковое микро и макропланирование разноуровневых языковых форм, экспертный анализ текстового материала.

На основании полученных типовых моделей возможных адресатов определяется дедуктивная или индуктивная форма планируемого информирования бизнес-партнеров, информационный или аналитический характер изложения, подбирается оптимальный дистрибутивный и организационный планы сообщения, т. е. осуществляется макропланирование текста.

При микропланировании текста устанавливаются необходимые языковые формы передачи планируемой информации. Первоочередному оязыкованию подвергаются ключевые понятия и обязательная информация, дальнейшее развертывание которых осуществляется через детализацию их составляющих. Учитывая системную целостность текста, устанавливаются когезийные и когерентные текстовые связи на морфологическом, синтаксическом и лексико-семантическом уровнях с последующим сопоставлением текстового материала с моделями восьми прагматических стилей.

Особое внимание уделяется языковым факторам, регулирующим когнитивный механизм установления диалога («автор сообщения – адресат сообщения») (квалификаторам, стимуляторам, идентификаторам и т. д.) или препятствующим адекватной передаче информации (омонимия, импликация, неоднозначность интерпретации и т. п.).

Информационное центрирование текста, производимое как на уровне ядерных слов, тема-рематических зон, синтаксических конструкций, так и позиционного распределения частей текста позволяет высвечивать или скрывать необхо-

димую информацию, что является одним из приемов стратегического текстопостроения.

На заключительном этапе создания бизнес-сообщения, при экспертном анализе полученного текста, определяется адекватность 1) оязыкованной формы информации и исходных идей; 2) воплощенной в тексте информации и правдивости ее интерпретации. Производится необходимая языковая или структурная коррекция текста: вводятся специальные семантические ограничители и / или индикаторы для стимуляции целенаправленного извлечения информации читателем; удаляются из текста элементы с избыточной или неоднозначной информацией, искажающие планируемую интерпретацию сообщения.

При использовании вышеописанной методики для стратегического текстопостроения русскоязычных и англоязычных бизнес-сообщений было установлено ряд особенностей оязыкования информации, приемов ее центрирования, специфичный характер носили и сами стратегии создания текстов.

На основании данной методики и соответствующих теоретических исследований разработан и воплощен в научно-учебный процесс Киевского национального лингвистического университета спецкурс «Стратегии текстопостроения современного англоязычного бизнес-дискурса: лингвистический, образовательный и профессиональный аспекты подготовки будущих филологов» для студентов 5 курса факультета английского языка. Для данного курса разработан электронный учебник, в котором представлен лекционный материал с презентациями в программе PowerPoint, лабораторные и самостоятельные работы, тематический глоссарий, информационный справочник и система проверочных тестов.

Принцип поля и «ситуативный подход» в системе функциональной грамматики

А. В. Бондарко

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Функционально-семантическое поле, категориальная ситуация, категоризация семантики, функциональная грамматика

Summary. The principles of functional grammar under consideration are closely connected with the general problems of semantic categorization. Principle characteristics of the notions «functional-semantic field» and «categorical situation» are regarded.

1. Разрабатываемая нами теория функциональной грамматики связана с широкой проблематикой категоризации семантики. Понятие категоризации в предлагаемом истолковании включает следующие аспекты: 1) стратификация семантики; значение и смысл; 2) эксплицитность / имплицитность семантического содержания в его отношении к формальному выражению; 3) инвариантность / вариативность; 4) центр и периферия; прототипы и их окружение; 5) принцип естественной классификации языковых единиц, классов и категорий; 6) взаимодействие системы и среды; 7) межкатегориальные связи; 8) грамматические категории и лексико-грамматические разряды; 9) функционально-семантические поля; 10) категориальные ситуации.

2. В работах, оперирующих понятием «концепт», далеко не всегда учитывается категоризация языковых значений. Чаще всего речь идет о восприятии внешнего мира в сознании людей, тогда как значения языковых единиц, классов и категорий фактически остаются за пределами проводимого анализа. На наш взгляд, если исследование сохраняет собственно лингвистическую направленность, необходимо уде-

лять должное внимание языковому содержанию, заключенному в словах, морфологических формах и синтаксических конструкциях.

3. Рассматриваемая модель грамматики ориентируется на описание системы функционально-семантических полей (ФСП), трактуемых как семантические категории в их языковом выражении. Поле интегрирует различные языковые средства (морфологические, синтаксические, лексико-грамматические, лексические), взаимодействующие на семантической основе. Элементы анализируемых полей представлены в высказывании вариантами типовых категориальных ситуаций (КС) — аспектуальных, темпоральных, таксисных, персональных, качественных, локативных, экзистенциальных, посессивных и т. п.

4. КС трактуются как ситуации сигнификативные, относящиеся к сфере языкового содержания. Разумеется, представленные в высказывании варианты КС отражают денотативные ситуации, однако предметом исследования являются именно семантические структуры. Анализируются значения, выступающие на уровне высказывания в определенной

языковой интерпретации, связанной с используемыми средствами формального выражения.

5. Некоторые фрагменты анализа исследуемых полей и типовых ситуаций сближаются с лингвистикой текста. Рассматриваются актуализационные категориальные признаки целостного текста (ср., например, тексты с доминантой узуральности, отнесенности к тому или иному временному плану, к определенному типу семантики модальности и лица). Учитываются взаимосвязи функциональной характеристики высказывания и текста как целого.

6. Понятия ФСП и КС дают основу для сопоставительных исследований. Поля в разных языках, связанные с одной и той же семантической категорией, могут существенно различаться по своей структуре. Необходима детальная разработка в сопоставительном аспекте системы субкатегоризации в рамках аспектуальных, темпоральных, персональных и других КС.

7. Значимость понятия КС в рассматриваемой модели функциональной грамматики не менее существенна, чем роль понятия ФСП. В конкретных исследованиях основным предметом анализа являются различные варианты типовых сигнификативных ситуаций в их формальном выражении. Собирая и анализируя высказывания, в которых заключен тот или иной комплекс КС (например, тендентивно-предельных и нетендентивно-предельных, статальных, реляционных и других аспектуальных ситуаций, а также ситуаций таксисных, модальных, персональных, квалитативных, локативных, бытийных, посессивных и т. п.), исследователь стремится отразить существенные признаки семантических категорий в многообразии их речевых вариантов.

8. Исследование и описание языкового материала в системе функциональной грамматики проводится не только в исходно-семантическом, но и в исходно-формальном направлении: выявляются закономерности функционирования грам-

матических форм и конструкций. Эта сторона анализа, как и его исходно-семантическое направление, соотносится с существенными аспектами динамики речевого акта: правила употребления языковых средств, служащих для выражения элементов семантического содержания, входят в языковую компетенцию говорящих и слушающих, в языковое знание.

9. Для современной лингвистики все более актуальным становится коренящееся в языковедческой традиции исследование системных связей языковых единиц, классов и категорий. Один из аспектов анализа этих связей — рассмотрение поликатегориальных семантических комплексов, в рамках которых исследуются взаимосвязи их компонентов. Так, изучаются взаимосвязи аспектуальности, временной локализованности, темпоральности, таксиса и временного порядка как компонентов «аспектуально-темпорального комплекса», связи категорий причины, цели, условия, следствия и уступки в рамках семантики обусловленности, взаимосвязи категорий, относящихся к сфере модальности.

10. В любом типе грамматического описания важную роль играет принцип «центр и периферия — постепенные переходы — пересечения системных объектов». Этот принцип обосновывается и реализуется в работах разных лет. Понятия «центр и периферия» и «полевая структура» соотносятся с истолкованием понятия «прототип» в сфере когнитивной лингвистики. На наш взгляд, существенным признаком прототипа является способность к воздействию на производные варианты, статус «источника производности». Производность выявляется на разных уровнях прототипичности. В сфере семантических функций нередко наблюдается своего рода «цепочка прототипичности». Прототипы и соотношение инвариантности / вариативности закономерно интегрируются в единой системе лингвистического анализа (см.: Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб., 2005).

Указательные местоимения *сь, ть, онъ* и связный текст в произведениях древнерусской литературы XVII века

Н. О. Гарибян

Ереванский государственный университет (Армения)

Ценная связь, анафора, кореферентность, субститут, местоименная группа

Summary. The paper concerns the textual functions of the pronouns *сь, ть, онъ* in Old Russian of the 17th century. These pronouns substitute title of object or person or the whole situation in the connected text. They can appear in an independent function and in pronominal groups.

В докладе рассматривается участие указательных местоимений *сь, ть, онъ* в организации связного текста на материале разных по жанру произведений древнерусской литературы XVII века. В древнерусском языке XVII века посредством анафорического употребления местоимения участвовали в организации цепных связей между предложениями в тексте. Цепная связь являлась одним из самых распространенных способов соединения предложений в пределах текста в древнерусском языке XVII века. Местоимения участвовали в осуществлении цепных связей в качестве субститутов.

Указательные местоимения *сь, ть, онъ* могли использоваться автономно и замещать имя лица или предмета. В этом случае очень важное значение приобретают морфологические категории рода и числа, позволяющие оформлять отношения кореферентности: *А збирался турской царь на нас за морем и думал ровно четыре годы. А на пятой год он нашей своих к нам под Азов прислал* («Повесть об Азовском осажденном сидении донских казаков»).

Местоимения *сие* и *то* могут выступать и в качестве непредметных повторов. В этом случае они в связном тексте являются субститутами не какого-то определенного предмета или лица, а целой ситуации, замещающая одно или несколько предыдущих или последующих (катафора) предложений: *И я поливал грудь водою, и тер снегом, и от того было лехче* («Записка» Аввакума о посте в 1671 г.).

Местоименные группы с именем существительным и неавтономным указательным местоимением также принимают участие в организации цепных связей между предложениями в древнерусских текстах XVII века. Местоименная группа с указательными местоимениями *сей, тотъ, той, оный* может выполнять функцию, близкую к лексическому

повтору. Это происходит, когда сочетание с местоимением содержит в себе предыдущее предложение в свернутом виде. В этих случаях местоимение сопровождает другой, более сложный способ организации цепных построений. Этот способ – повторы, сопровождающиеся грамматическими преобразованиями исходного слова. Такие повторы способствуют свертыванию предложения в слово или словосочетание таким образом, что производное слово содержит в себе основной смысл определенного события или ситуации: *...а по обеде власти благословляют ихъ образами и дарят, и воеводы дарят же чем прилущитца, и тех даров от властей, и от монастырей, и от воевод бывает имъ немало* (Гр. Котошихин «О Московском государстве в середине 17 столетия»).

Указательные местоимения *сей, тотъ, той, оный* могут сопровождать лексический повтор имени, первое упоминание которого в тексте характеризовалось специфической неопределенной референцией. Появление указательных местоимений *сей, тотъ, той, оный* при повторе сигнализирует о предупомянутости имени, и в то же время придает ему статус сильной определенности. Фактически, в этом случае местоимения *сей, тотъ, той, оный* выполняют функцию, близкую к функции определенного артикля: *Се бо азъ вижу, яко связастся юзами брани бесовския и сице, рече, не свободитесь юзь сихъ, то не помогут вам сии юзы железныя, их же носите Христа ради* («Повесть о боярыне Морозовой»).

В древнерусских текстах XVII века указательное местоимение *ть* употребляется также в качестве постпозитивной частицы. Постпозитивное *ть* сигнализирует о большей определенности имени и его предупомянутости. Такое употребление местоимения *ть* в качестве постпозитивной частицы также очень напоминает функцию определенного ар-

тикла: *Охнул от него Израиле-ть бедной. Прочитко книги те Макковейские в Библие той – уразумеешь о нем, как онь кудесиль, не мениши антихриста осквернения тово надделаль закону божию* («Книга толкований» Аввакума).

Местоименная группа с демонстративами *сей, тот, оный, той* появляется в связном тексте XVII века и тогда, когда контекста недостаточно для идентификации его элементов: *В ноци же той виде сон прежний и наипаче размышляше в себе, что будет сие видение* («Повесть о Тверском Отроче монастыре»).

Роль читателя в смыслопорождении художественного текста

А. Ф. Гершанова

Стерлитамакский филиал Московского государственного открытого педагогического университета им. М. А. Шолохова

Художественный текст, теория коммуникации, автор и читатель как коммуниканты, ключевые знаки, интерпретация, смыслопорождение

Summary. Modern researches allow to analyze a text in different aspects. Communicative point of view activates the reader's position in the process of formation of the sense in an artistic text, and in this case the text turns out to be immersed in the situation of real communication. Key signals given by the author must be unpacked and interpreted. It leads to the increasing of the volume of the sense of the text.

Современные исследования текста показывают постоянно растущий интерес к этому многогранному явлению не только в лингвистике, но и в семиотике, психологии, кибернетики и др. Вполне естественно, что каждая из наук избирает свой угол зрения, цели и методы изучения, ибо «здесь точку зрения, – как справедливо отмечал Ф. де Соссюр, – создает самый субъект» [5, 46]. Сегодня, в соответствии с основными научными парадигмами современного языкознания, к осмыслению текста, его характеристик и категорий применяются различные подходы: структурный, коммуникативный, когнитивный, лингвокультурологический и пр.

Одним из перспективных направлений, на наш взгляд, является теория речевых актов, которая позволяет рассматривать текст (в том числе и художественный) и как продукт речевой деятельности коммуникантов, и как процесс их взаимодействия. При этом специфика художественного текста заключается в том, что в нем коммуникация осуществляется вне ситуативности: продуцент (автор) не знает адресата (читателя), не находится с ним в непосредственном контакте и не знает его реакции. Уникальность языковой личности автора художественного произведения состоит в том, что он не только «предугадывает» своего читателя, он его формирует, вовлекая в процесс сотворчества. Осуществление авторского замысла связано с тщательным выбором языковых средств и особой, художественной, их организации в тексте. Таким образом, коммуникация между автором и читателем осуществляется посредством выработки общего для автора и читателя языка, который бы соответствовал «системе языка, руководствуясь которой автор приступает к текстопорождению», и способствовал «адекватной проекции текста в сознании воспринимающего текст читателя». Этот язык-посредник и есть код ([4, 130]). Качество кода, его понятность, выразительность, образность обусловлены мастерством писателя и определяются в процессе восприятия и понимания читателем. «Функционально текст используется не как сообщение, а как код, когда он не прибавляет нам каких-либо сведений к уже имеющимся, а трансформирует смыслоосмысление порождающей тексты личности и переводит уже имеющиеся сообщения в новую систему значений» [3, 38]. Следовательно, для существования и бытования художественного текста необходимы как автор, так читатель, ибо «смысл сигналу можно написать только в том случае, если мы примем во внимание отклик того, кто принял сигнал» [6, 35]. Таким образом, текст может быть адекватно понят лишь в том случае, когда код известен получателю и когда читатель в процессе восприятия текста реагирует на ключевые знаки – репрезентанты ключевых слов текста.

«Ключевая» значимость единиц в тексте интенционально обусловлена автором, выражается в их повторяемости, частотности, связи с сильными позициями в тексте (заголовком, началом, концом текста и пр.). Однако «значимость» эти единицы обретают в процессе целостного восприятия читате-

Местоименная группа с указательными местоимениями *сей, тот, той, оный* может замещать предыдущее (или – в случае катафорического употребления – последующее) предложение или его часть, а также группу предложений, при этом анафорическая структура может содержать в себе обобщенное название ситуации: *И глаголаше мне тако: «Елеазарь, аще когда приходите во святую церковь, приходите и поклоняйтесь образу Христа бога нашего со страхом и трепетомъ. Да сия глаголы моя и братии яви»* («Житие Елеазара Анзерского»).

лем текста. Выявленные читателем, ключевые знаки определяют семантическую структуру текста, которая выступает «результатом интерпретации суммы компонентов текста на фоне его семантического пространства» [4, 187–188].

Следует отметить также, что значения ключевых слов в контексте могут достаточно отличаться от словарных, что обусловлено индивидуальным, метафоризированным восприятием мира автором и соответственным способом его оязыкования. Репрезентация ключевых смыслов в художественном тексте может осуществляться как эксплицитно, так и имплицитно, при помощи разнообразных приемов. Так, наблюдая за ключевыми словами «рай» и «ад» в художественном тексте романа В. В. Набокова «Дар» [7], мы выявили расхождения между словарными и контекстуальными значениями этих слов: например, у слова «рай» среди контекстуальных, авторских, значений отмечаются «дом», «детство», «любовь», «ощущение счастья», «творчество», «уютная чистота» и пр. Обнаружились особенности лексико-семантических отношений, в которые вступают значения данных слов: в художественном контексте некоторые значения могут вступать и в антонимические и синонимические отношения одновременно. Так, райское состояние – это и «блаженство» и «муки творчества», рай и ад могут локализоваться в одном месте (в доме, городе) и распознаются в зависимости от самоощущения и состояния героя. Более того, они могут взаимодействовать, и тогда возможно «ощущение неизбежного несовершенства счастья», «безумие, умиление, зависть и любовь» одномоментно.

Автор достаточно часто прибегает к метафоризации, нарушению семантических канонов, языковой игре, в которые постепенно вовлекается и читатель, обнаруживая в ткани текста все новые смысловые значения ключевых слов и, таким образом, приближаясь к целостному смыслу текста.

Так, в процессе интерпретации текста мы пришли к выводу, что подобная паралогичность – это не только специфичность языка писателя, но специфичность художественной картины мира В. В. Набокова. Анализ языковых репрезентаций данных ключевых слов в других художественных текстах позволил предположить, что «рай» и «ад» выступают культурными ключевыми знаками, и интерпретировать уникальный смысл романа «Дар» в общелитературном пространстве.

Восприятия текста – это не просто акт декодирования информации, направляемой адресантом адресату, «здесь имеет место сложное взаимодействие субъективностей продуцента и реципиента, обусловленное, в конечном итоге, общественно-историческими причинами» [1, 5], при этом «полное совпадение «субъективностей» автора и реципиента невозможно» [2, 241], но подобный «выход» за пределы текста есть генерирование нового содержания («приращение смысла») системой текста и последующая авторефлексивность текстовой семантики ([4, 155]).

Литература

1. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
3. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.
4. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2005.
5. Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. М., 1977.
6. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991.
7. Гершианова А. Ф. Концепты «рай» и «ад» в языковой картине мира В. В. Набокова (по роману «Дар»). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003.

Типы повествования в рассказах Б. Зайцева

Е. А. Денисова

Московский городской педагогический университет

Типы повествования, точка зрения, несобственно-прямая речь, лирическая проза, проза

Summary. New type of narration is offered in the work. In the result this new type of narration is distinguished as a typological narration. These are more subdivisions of narration such as feeling; non-personal, non-author; different types of monologues; narration itself.

Все рассказы распадаются на четыре группы: повествование от первого лица в лирической прозе, повествование от первого лица в прозе, повествование от третьего лица в лирической прозе и повествование от третьего лица в прозе.

Повествование от первого лица в лирической прозе представлено следующими разновидностями: **лирический монолог эмоционального типа** («Тихие зори», «Жизнь и смерть», «Мой вечер», «Жемчуг»), **внутренний монолог-восприятие** («Полковник Розов»), **эмоциональный монолог-сопереживание** («Сестра», «В дороге») (см.: [Денисова 2006]).

Лирический монолог эмоционального типа показывает в динамике приход лирического героя к постижению какой-то истины, которая открывается не логическим, а этическим путем. Для него характерно отсутствие обычного повествования; перечисляются какие-то события из жизни лирического героя, сколько и каких событий произошло между ними, читателю неизвестно; почему говорится именно о них, тоже не поясняется. В конце читателю становится понятно, что те факты, диалоги, картины, которые представлены в повествовании, и есть вехи, приведшие лирического героя к познанию, как правило, религиозной истины. Во внутреннем монологе-восприятии не только природа, отдельные действия персонажей, но и их реплики преподносятся погруженными в сознание лирического героя, поэтому все реплики прямой речи даны без авторского ввода и заключены в кавычки, таким знаком выделяют только внутреннюю речь. Свою прямую речь лирический герой вообще не выделяет из повествования. Внутренний монолог-восприятие – это отражение радости лирического героя созданному Богом миру в каждый миг своей жизни и в любом самом незначительном проявлении этого мира. Эмоциональный монолог-сопереживание – это отражение поиска лирическим героем смысла жизни в каждый миг своего существования и обнаружение его отчасти в своей единородности с миром. Внутренний монолог-восприятие и эмоциональный монолог-сопереживание различаются тем, что в каждом из них художественно воспроизведены разные виды внутренней речи, разные функции сознания.

Тип повествования в обычной прозе от первого лица у Б. Зайцева – **сказ – монолог «повествующего типа»** (Виноградов В. В.) («Грех», «Изгнание», «Бездомный», «Николай Калифорнийский»).

В лирической прозе от третьего лица представлены три типа повествования: вчувствование, молитва и созерцание. Во **вчувствовании** («Волки», «Черные ветры», «Завтра!») чуть ли не каждое предложение начинается с внешней характеристики состояния персонажа и указания на воспринимаемое им, плавно и незаметно перетекающего в выражение им изнутри в его несобственно-прямой речи чувств и оценок по поводу творимой в художественном произведении действительности. Несобственно-прямая речь во вчувствовании «лексическая» (см.: [Ковтунова 1956]), или «несобственно-прямая речь органического конструирования с авторским текстом» (см.: [Чумаков 1975]).

В **молитве** («Миф», «Лина», «Богиня») точка зрения повествователя перемежается с точкой зрения главного персонажа, причем вторая занимает большее место в тексте (см.:

[Денисова 2006]). В молитве то, что занимает место сюжета, это информация о перемещениях персонажа и том, что он видит, за каждым из таких лаконичных сообщений следует его несобственно-прямая речь, отделенная от них, как правило, межфразовой пунктуацией и содержащая в себе выражение персонажем отношения к воспринимаемым им объектам. Об этом отношении ничего не говорится в повествовании. Мир ощущений, эмоций, переживаний персонажа раскрывается только в его несобственно-прямой речи, только изнутри. В рассказах «Миф» и «Лина» почти ничего не происходит. Несобственно-прямая речь отражает состояние героя.

Тип повествования **созерцание** («Хлеб, люди и земля», «Сон», «Май», «Спокойствие») отличается от молитвы тем, что в молитве персонаж, сливающийся с лирическим героем, более эмоционален, в созерцании он более рассудочен; в молитве персонаж живет теми немногими картинами, которые представлены, а в созерцании он только зритель, не участвующий в событиях; в молитве – настоящее репортажное или прошедшее имперфектное, в созерцании, кроме того, представлено настоящее абстрактное; в молитве – образительный регистр преобладает над генерическим (см.: [Золотова 1973]), а в созерцании наоборот. Эмпирические факты в созерцании излагаются не в естественной последовательности (как в прозаическом повествовании), а в порядке воспоминания, сюжет развивается отраженно, через переживания героя. Время сюжета заменено временем его переживания.

Вчувствование, созерцание и молитву мы можем представить в виде шкалы, с точки зрения их большей или меньшей близости к поэзии или прозе. Созерцание ближе всего к поэзии, так как бессюжетно или сюжет движет не логика происходящих событий, а логика воспоминания лирического героя – главного персонажа. Перед читателем не изображение мира, а изображение сознания персонажа – лирического героя, в которое этот мир погружен. В созерцании больше, чем в других типах повествования в лирической прозе, представлено обобщений, функционирует настоящее абстрактное или, реже, настоящее всевременное.

Вчувствование ближе всего к обычной прозе. В нем есть сюжет, хотя и незначительный. В нем переливаются друг в друга, не имея границы между собой, внешняя точка зрения лирического героя и внутренняя – изображаемых им персонажей. Значение времени – аорист.

Молитва занимает промежуточное между вчувствованием и созерцанием положение. Повествование – серия этикеток или, точнее, типографических знаков, где находится персонаж. Остальное – его несобственно-прямая речь, в которой выражено отношение к этим «топонимам». Значение времени – настоящее образительное, имперфект; в несобственно-прямой речи настоящее актуальное, будущее.

В повествовании от третьего лица в обычной прозе представлены **безличный тип повествования** («Гость», «Аграфена», «Снь», «Смерть», «Актриса», «Елисейские поля», «Маша», «Путники») и **несобственно-авторское повествование** ([Кожевникова 1973]) («Молодые», «Студент Бенедиктов», «Актёрское счастье», «Густя»), которое пронизывает несобственно-прямая речь персонажа. Из выделенных

И. В. Труфановой ([Труфанова 2002]) видов несобственно-авторского повествования у Б. К. Зайцева встречаются: несобственно-авторское повествование, создаваемое эгоцентрическими элементами, передающими ограниченность зна-

ния повествователя («Студент Бенедиктов», «Густя»); несобственно-авторское повествование, создаваемое лексемами в ролевых значениях и смыслах, или словопотреблением изображаемой среды («Молодые», «Аграфена»).

Вставные конструкции оценочного и эмоционального характера в современной актуализирующей прозе

Л. О. Деренко

Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик
Эмоции, оценка, вставные конструкции, экспрессивный синтаксис

Summary. This article is about the problem of a function of expletive construction and emotional evaluative disposition in modern foregrounding prose. The main attention is devoted a correlation between author and text and reader realized as emotional and evaluative expletive construction.

Выражение эмоций и оценок играет важную роль в организации высказывания в целом, а также сверхфразового единства и текста. Оценка как основа экспрессивности присутствует в семантике подавляющего большинства экспрессивных единиц. Наиболее тесно с оценкой связан эмоциональный компонент.

Цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, рекомендовать или советовать и т. п. Наглядно это можно представить на примере вставных конструкций (ВК), т. к. ВК – особый вид экспрессивного синтаксического построения высказывания, резко разрывающего логико-грамматические отношения основного предложения, внося в него дополнительную информацию, часто оценочного и эмоционального характера. Вставка позволяет автору внести в текст свои замечания, поправки, выразить свое отношение к тому или иному событию, описанному в базовом предложении. Эмоциональная и оценочная ВК помогает экономным образом воздействовать на читателя, побуждая его к размышлениям. И очень важное значение при этом имеет лексическое наполнение ВК.

Например:

Нет, кое-кто, конечно, трудится. Наши бизнесмены (гады, заразы, кровопийцы), фермеры (у, паразиты, развел свиней под самым носом, когда я как раз на бугре с поллитрой расположился, птиц послушать), врачи (знаем! Им только взятки брать да коньяк трескать!), банкиры (нахапает денег и бежать), ученые (от этих просто трясет, не знаю почему, но, право, трясет!). Все это грязная работа, без ореола таинственности, мистики и полетов во сне и наяву (Т. Толстая. Bonjour, moujik! Pochiol von!).

Главное назначение ВК – передавать семантически не ограниченный круг сведений, дополнительных к содержанию основной части предложения или какого – либо его компонента, причем втор намеренно, нередко с целью актуализации, выносит эти сведения на особую плоскость в семантико-синтаксических условиях данного высказывания или целого контекста.

В современной актуализирующей прозе доминирующее положение занимают ВК, содержащие авторские комментарии оценочного и эмоционального характера. Это было выявлено нами на основе сопоставления ВК, выбранных из произведений таких прозаиков, как: Т. Толстая, Н. Толстая, Б. Акунин, С. Довлатов, Л. Улицкая, В. Токарева, В. Пелевин и др.

Статистический подсчет исследуемого материала позволил выявить «функциональную активность» вставок. ВК, содержащие авторские комментарии оценочного и эмоционального характера, составляют 55,4%, что позволяет нам, вслед за Е. А. Покровской, говорить о том, что ВК способствуют интимизации текста, так как «очень часто они выражают субъективную модальность, авторскую оценку того, о чем повествуется или что описывается в базовом предложении» [Покровская 2001].

Взаимопонимание в процессе коммуникации, где участвуют оценочные высказывания, невозможно без общих для говорящего и слушающего (автора и читателя) представлений о ценностной картине мира. «Одна из важнейших стилистических функций использования вставных предложений в

художественном изложении – создание двух параллельных речевых планов» [Иванова, Сквородникова и др. 2003, 115]. Причем второй речевой (повествовательный) план, создаваемый ВК, позволяет передать самые разнообразные смыслы, связанные с оценками, эмоциями, переживаниями и состояниями субъекта речи. «Именно экспрессивно-эмоционально – оценочные обертоны, применяемые писателем сознательно или бессознательно, участвуют в создании его психологического портрета, отражают движение его души, выражают его мироощущения» [Гаспарян, Князьян 2004].

Мы, вслед за И. И. Гавриленко, считаем, что ВК, представляющие авторские комментарии оценочного и эмоционального характера, можно разграничить еще на 3 типа:

1. Положительная / отрицательная оценка сообщаемого представляет собой измерение сообщаемого по шкале «хорошо – плохо» (например, с точки зрения моральных норм). В качестве примера приведем предложение:

– О, как сходно мы с вами мыслим! Представьте, я тоже думаю, что хуже измены ничего нет и не может быть! То есть, я имею в виду даже не измену государству (хотя присягу нарушить, конечно, тоже нехорошо), а измену одного человека другому (Б. Акунин. Пелагия и черный монах).

2. ВК, выполняющие эпистемическую функцию, выражают степень уверенности в истинности сообщения. Иногда вставной элемент может состоять из одного вопросительного знака, указывающего, что автор сомневается в том, о чем говорится.

Например:

Петр Федорович встретил невесту без интереса. Фике выслушала его первую ложь – как он, будучи лейтенантом (?), командовал голиштинской армией (?), и наголову разбил датчан (?), которые сдавались ему в плен тысячами (?) (В. Пикуль. Фаворит).

3. ВК, выполняющие эмотивную функцию, могут передавать различные эмоции и отношения автора текста к сообщаемому: восхищение, удивление, отвращение, согласие или несогласие и т. п., иногда к этому добавляется оттенок экспрессивности. В качестве примера приведем предложение:

Чем же угостит Колыбель заезжего человека? Утопая в желтом питерском снегу, я брела от ларька к ларьку, от магазина к магазину. Кооперативная греча по два шестьдесят – будь я мышь, конечно, купила бы и погрызла. Сигареты – по паспорту. (Эх, Минздрав, Минздрав! Что ж ты не предупредил?..) Кушаки пластмассовые и сумочки женские кошмарные мне есть не хотелось (Т. Толстая. Яблоки считать цитрусовыми).

Итак, в художественной литературе наблюдается значительное количество ВК, выражающих авторскую оценку сообщаемого. Стилиевые особенности каждого писателя находятся в прямой зависимости от глубины и емкости слов и их сочетаний, характера созданных им образов, выбора тех или иных речевых фигур. Доминирующее положение ВК, выражающих авторские комментарии оценочного и эмоционального характера, объясняется прежде всего тем, что со второй половины XX века в лингвистике возрастает интерес к субъективному фактору, т. е. все больше внимания привлекают индивидуально-личностные свойства как самой говорящей личности, так и реципиента.

Взаимосвязь категорий каузативности и акциональности

А. Н. Дробинина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Семантика глагола, каузативность, акциональность, коммуникативная грамматика, грамматические категории, категориальные значения

1. «Понятие действия, как и понятие субъекта и объекта, неотделимо от понятия причины» (А. А. Потебня). В то же время, понятие причины невозможно без действия, точнее, двух соотнесенных действий. Категории акциональности и каузальности взаимосвязаны.

2. Обе категории определяются наличием субъекта и объекта. При этом для категории акциональности более значим субъект, который должен быть одушевленным, а наличие объекта факультативно. Категория каузальности сосредотачивается в основном на объекте, признак одушевленности не обязателен, но учитывается при определении ядерных компонентов. Пересечение категорий акциональности и каузальности можно рассмотреть на примере каузативных глаголов типа *заставлять, вынуждать, уговаривать, просить, требовать*.

3. Взаимоопределение цели и средства является сущностью каузальности и в то же время оказывается важной составляющей действия. Признак целенаправленности / невольности оказывается одним из основных при анализе кауза-

тивных конструкций. Для категории акциональности дифференциальным признаком является контролируемость / неконтролируемость.

4. Речевые каузативные глаголы типа *уговаривать, просить, предлагать* соединяют каузативную семантику с акциональностью, что терминологически обозначается как «намеренная каузация» (Г. А. Золотова). Речевые каузативы типа *требовать* могут выражать каузацию как намеренную (*Я требую внимания*), так и ненамеренную (*Книга требует внимания*). Глаголы *заставлять, вынуждать* относятся к классу Он-предикатов, то есть интерпретируют каузативную ситуацию с внешней точки зрения. Для этих глаголов мена неличного (предметного или пропозиционального) не означает изменения типа каузации (от ненамеренной – к намеренной).

5. В докладе предполагается рассмотреть разные варианты отношений между категориями акциональности и каузативности в (а) глагольных лексемах, (б) глагольных полипредикативных предложениях, (в) текстовых фрагментах.

Система пространственных образов как ключ к интерпретации текста

М. В. Дудорова

Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Екатеринбург

Категоризация, текст, художественное пространство

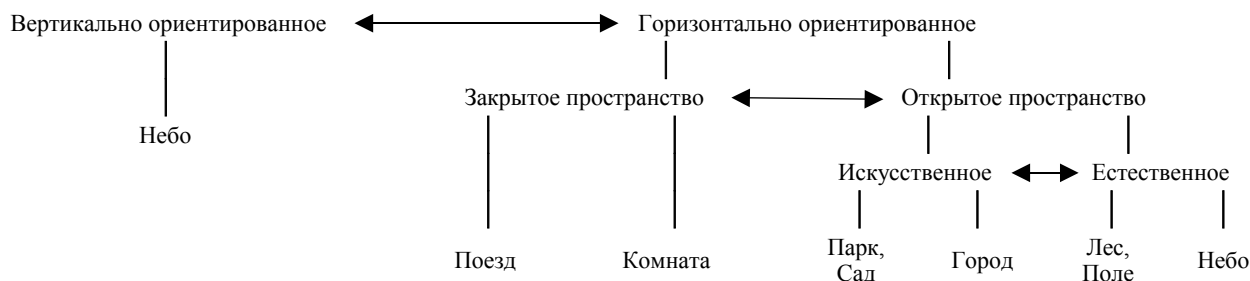
Summary. The report deals with categorization of space in poetic texts by I. Annensky. The system of special images is key to interpretation of the poetic text as a whole.

Пространство как когнитивная категория представляет эстетически переосмысленный, трансформированный образ действительности, появившийся в результате процессов концептуализации и категоризации, отражающий как общие, так и индивидуально-авторские закономерности восприятия, понимания и представления мира. Описание и реконструкция пространственного фрагмента индивидуально-авторской картины мира может осуществляться с опорой на понятие «**пространственный образ**». Пространственный образ, будучи фрагментом целостного художественного пространства, является денотативно соотнесенным с определенным фрагментом пространства реального мира, который в результате категоризации художественным сознанием приобретает определенные, устойчивые в рамках идиостиля перцептивные и эмотивные характеристики.

Выявление и описание пространственного образа базируется на анализе лексического уровня поэтического текста:

а) распределение лексики текста по функционально-текстовым группам (далее – ФТГ), формирующим ключевые образы текста; б) выявление доминанты ФТГ, семантический анализ состава ФТГ; в) контекстологический анализ лексем, входящих в ФТГ; г) рассмотрение взаимодействия разных типов пространства в рамках текста; д) выявление общей структуры пространства, репрезентированного в тексте. Далее при обобщении результатов анализа пространственного образа значимыми критериями являются Субъект, Объект(ы) и Восприятие.

Категоризация пространства обычно осуществляется в оппозитивных параметрах. Анализ маркеров горизонтально и вертикально ориентированного пространства в поэзии И. Анненского показал, что в процессе функционирования в тексте они участвуют в создании следующих пространственных образов, группируемых в соответствии с оппозитивными параметрами.

Эти оппозиции как выявляются на уровне системы пространственных образов, так и репрезентируются внутри одного текста, часто составляя его ключевое противопоставление, помогающее в интерпретации текста (выявлении денотативной ситуации и эмотивных оценок лирического субъекта). Соотношение реального и ирреального миров в поэзии И. Анненского решается через связь между физическим и метафизическим пространствами.

Между ними существует зыбкая граница, которая позволяет лишь изредка воспринять сущности соседнего мира, увидеть их, но взаимодействие оказывается невозможным.

Таким образом, художественное пространство в поэтическом тексте, рассмотренное сквозь призму когнитивных категорий, позволяет, выявив ключевое противопоставление, декодировать поэтические тексты.

Категория авторизации в современном русском языке: семантика, особенности структуры

А. Г. Етко

Ставропольский государственный университет

Системность форм существования языка, грамматическая синтаксическая категория, категория авторизации, функционально-семантическое поле

Summary. Given clause about one of from grammatical syntactic categories of Russian – category of authorization. The author considers this category from positions of functional grammar as a functional-semantic field. The functional – semantic field of authorization is represented as system of microfields incorporated by general meaning and having the special means of expression.

Проблема системности различных функционально-семантических категорий – одно из основных направлений лингвистики на современном этапе, разработкой этой проблемы занимается функциональная грамматика. Это направление лингвистических исследований имеет глубокие корни, восходящие к общей компаративной лингвистике, у истоков которой стояли В. Гумбольдт и Ф. Бопп. Начиная с трудов этих ученых преемственное развитие в лингвистике получила идея функциональности. На современном этапе наиболее разработанным является исследование функциональной грамматики, которое, как известно, ведется санкт-петербургскими учеными под руководством А. В. Бондарко и носит название «Теория функциональной грамматики».

В центре внимания исследователей оказывается анализ функциональной системности, когда самые разнообразные средства, относящиеся к разным языковым уровням, участвуют в выражении определенных языковых семантических функций. Основным принципом построения такого типа грамматики является описание функционально-семантических полей (ФСП) данного языка. В пределах ФСП осуществляется и описание функционирования грамматических форм и конструкций. В основе поля заложены признаки той или иной грамматической категории, которая, как правило, выполняет роль ядра и периферии. «Функционально-семантическое поле – это двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектиологии. Л., 1983. С. 40].

Авторизация – грамматическая синтаксическая категория, имеющая в своей основе семантику засвидетельствованности, относящуюся к области эпистемических значений, связанных с детализацией степени полноты знания говорящего о передаваемой им ситуации. Конкретных, «собственных» грамматических средств для выражения такой семантики не существует. Данное значение с разной степенью полноты выражают единицы различных языковых уровней. В роли грамматических базисных компонентов ФСП выступают отдельные формы (ряды форм) и синтаксические конструкции, объединенные на основе общности семантики – наличия семантического инварианта значения засвидетельствованности, раскрывающегося в целом ряде частных семантических категорий и их вариантов. Именно эта общность семантики и взаимодействие указанных языковых средств (их сочетаемость / несочетаемость в тексте, возможность замены одного средства другим в определенных условиях) и дает основания для интерпретации категории авторизации в русском языке как ФСП. В составе ФСП авторизации выступают разнообразные грамматические средства и лексико-синтаксические конструкции. При этом само понятие ядра, центра ФСП выступает не столь четко, доминанта не отсутствует совсем, но оказывается «нефокусированной», «размытой». Основным принципом организации поля с подобной доминантой, по мнению, В. Г. Адмони, является

его разбиение на микрополя, по отношению к которым само поле выступает как макрополе.

Семантическим инвариантом ФСП авторизации является значение **засвидетельствованности – соотнесения информации, содержащейся в высказывании, с ее источником**. Основным принципом структурирования макрополя авторизации является его разбиение на микрополя, которые, в свою очередь, выстраиваются в определенную структуру.

ФСП с общей семантикой засвидетельствованности на первом уровне можно разделить на два микрополя: микрополе, объединяемое семантикой **прямой засвидетельствованности** (информация получена говорящим из собственных наблюдений – из собственного чувственного опыта либо путем умозаключения), и микрополе, объединяемое семантикой **косвенной засвидетельствованности** (информация получена говорящим из другого источника либо опосредована собственным знанием, мнением, оценкой говорящего).

Семантика прямой засвидетельствованности, в свою очередь, объединяет два микрополя: перцептивности (информация получена говорящим из собственного чувственного опыта) и инференциальности (информация получена путем умозаключения). Прямая засвидетельствованность возможна, когда повествование ведется от первого лица.

Семантика косвенной засвидетельствованности объединяет три микрополя: пересказываемости (информация получена говорящим со слов другого лица либо из иного источника), оценочности (информация опосредована с точки зрения позитивного / негативного отношения говорящего к ней) и персуазивности (информация опосредована с точки зрения уверенности / неуверенности говорящего в ее достоверности).

Микрополя, входящие в состав ФСП авторизации, могут пересекаться.

Ядром ФСП авторизации являются глаголы авторизирующего значения: *слышать, видеть, считать, находить, вспомнить, замечать, примечать, называть, ощущать, наблюдать, чувствовать* и т. д. Структурным инвариантом ФСП авторизации, содержащим максимальную концентрацию полеобразующих признаков, является сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным. Такая структура характерна для всех микрополей, входящих в данное ФСП. В числе других средств авторизации исследователи называют: глагольные связки (*считаться, казаться, показаться* и т. д.), краткие прилагательные (*виден, слышен, известен, заметен* и т. д.), предикативные конструкции, вводящие изъяснительную часть (*Известно, что...*), вводные слова и предложения (*наверное, вероятно, наверняка, несомненно, по-моему, говорят* и т. д.), разного рода модусные частицы (*как бы, словно, точно, будто бы, якобы, вряд ли, дескать, мол* и т. д.) и другие средства. Все они распределяются по микрополям ФСП авторизации, их употребление имеет системный характер.

Таким образом, средства выражения категории авторизации представляют собой систему микрополей, объединенных общим значением засвидетельствованности, каждое из которых отражает свой отрезок этой семантики и имеет собственные средства ее реализации.

Грамматика в поисках системы

Г. А. Золотова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Грамматика – одна из древнейших наук, и это естественным образом объясняет традиционность многих ее постулатов. С другой стороны почтенный возраст ее способствует

накоплению знаний о языке и языках, расширению рамок самой грамматической науки, углублению ее задач на фоне общего развития соседствующих гуманитарных дисциплин.

Следствием является возникновение и обсуждение (по-видимому, пока недостаточное) новых вопросов функционирования языка в старых и возникающих сферах общения – устного и письменного, частно-бытового и социально-общественного, а также в средствах массовой коммуникации. Выход в текст, признание текста лингвистическим объектом значительно обновляет и обогащает круг языковедческих интересов, вместе с тем выявляет противоречивость ряда общепринятых положений.

С точки зрения текстовых связей оказывается возможным и необходимым уточнения представлений о системной организации грамматики, в частности в области структуры и типологии предложения.

Ждет обсуждения ряд вопросов, например:

1. Если смысл предложения заключается в сообщении о некотором предикативном признаке субъекта – его но-

сителя, может ли быть предложение по природе односоставным?

2. Если принято считать подлежащим имя в именительном падеже, как трактовать предложения без именительного падежа?

3. Почему одни предложения располагают парадигмой по лицам и числам, а другие – нет?

4. Какие типы предложений не используют темпоральной и модальной парадигмы?

5. При синонимическом варьировании высказывания что считать критерием единства синонимического ряда?

6. Считать ли простым предложение, включающее производные имена или другие полупредикативные компоненты?

7. Какие средства языка считать связующими элементами текста?

Роль анафорических элементов в выражении категории интенсивности

О. Ю. Инькова

Женевский университет (Швейцария)

Интенсивность, анафора, местоименные слова

Summary. I aim to describe how anaphoricals function when they are inserted into intensive structures: on one hand, their semantical contribution to the expression of intensivity, and on the other hand, the compatibility of anaphoricals with structures that have an intensive value.

Для того чтобы описать роль анафорических элементов в выражении категории интенсивности, необходимо прежде всего уточнить, что именно мы понимаем под интенсивностью. Эта категория всегда находилась в центре внимания лингвистов, однако ее объем и сущность трактуются очень по-разному. В наиболее широкой своей трактовке термин «интенсивность» охватывает весь круг языковых явлений, направленных на увеличение перлокутивного эффекта высказывания, то есть таких, как эмфаза, усиление, выделение, топикализация и под. (см., например, [8], [4], [7]). Такое понимание интенсивности делает однако это понятие трудно применимым для анализа конкретных языковых фактов. В более узком своем понимании интенсивность связывается с понятием шкалы и определяется как любое изменение (как в сторону повышения, так и в сторону понижения) меры признака на данной шкале (см. [10], [9]). Наконец, третье понимание интенсивности, наиболее узкое, но, на наш взгляд, и наиболее адекватное, представляет собой своего рода симбиоз двух предыдущих и включает в эту категорию лишь изменение меры признака или количества в сторону его увеличения, причем такое изменение, которое является коммуникативно-значимым с точки зрения говорящего (ср. сходную точку зрения в [2]). Именно в этом понимании мы и будем использовать термин «интенсивность» при описании той роли, которую играют анафорические (уточним, что термин «анафора» используется здесь как общий, то есть как для обозначения анафоры в узком смысле, так и для обозначения катафоры) элементы в ее выражении. В качестве примера мы возьмем местоименные слова *такой* и *так*, которые часто описываются в терминах интенсивности, выделения, подчеркивания и под.

Принятое определение интенсивности позволяет сразу уточнить круг явлений, являющихся предметом нашего анализа. Так, например, сразу должны быть исключены из рассмотрения такие употребления *такой* и *так*, как *У тебя такие руки, что сбегали даже брюки...* (Чуковский) и *Глаза взглянули на него так, что он наконец вздрогнул* (Гоголь), которые часто определяются как осложненные «элементом значения интенсификации» ([3, 506]). С другой стороны, необходимо иметь в виду, что анафорический элемент характеризует признак не непосредственно, а всегда косвенно, через antecedent. Поэтому вполне естественно предположить, что общее значение высказывания – как содержащее или нет элемент интенсивности – во многом будет зависеть от семантического наполнения antecedent. Однако, оно не всегда является решающим, поскольку другие факторы играют не менее важную роль в выражении данной категории. Это, в частности, фразовое ударение, тип анафорического отношения (анафора / катафора), тип семантического отношения между antecedentом и сегментом, содержащим анафорический элемент (пояснение / мотивация), место анафорического элемента по отношению к опорному слову (постили препозиция) и др. Отметим также что, поскольку значе-

ние степени признака, передаваемое анафорическим элементом, всегда создается на основе характеристики и опирается на шкалу данного признака, это накладывает определенные ограничения на типы семантических структур, в которых может употребляться анафорический элемент. Так, например, анафорические элементы несовместимы с так называемыми «устойчивыми сравнениями», которые не столько опираются на шкалу признака, сколько уподобляют два объекта через наличие у них общего признака; ср.: *Она ?? так упряма, как осел, Он был ?? такой голодный, как волк, при вполне допустимом Он был такой (же) голодный, как волк, который не ел неделю*. С прагматической точки зрения, различия между сравнительными конструкциями с анафорическим элементом и без него может быть описано через различия в составе пресуппозитивной и ассертивной частей высказывания (ср. [5]).

Наконец, особого внимания заслуживает употребление *так* и *такой* в предложениях типа *Это одно из тех «каверзных» мест, которые так часто встречаются у Шекспира* (Интернет), где *так*, составляя единое интонационное и информативное целое с опорным словом, превращается из анафорического элемента в показатель степени проявления признака, не требуя antecedent для восполнения своей семантической «неполноты». Однако, в отличие от «полнозначных» интенсификаторов, таких, как *очень*, *чрезвычайно* и под., он указывает не на высокую степень признака, а лишь на то, что данный признак превышает норму (см. [6]).

Таким образом, можно сказать, что *так(ой)* может быть использован, в определенных семантических условиях, в качестве нейтрального показателя степени признака, а его «интенсифицирующее» значение зависит от коммуникативной значимости изменения степени признака и является результатом взаимодействия целого ряда семантических и синтаксических факторов.

Литература

1. Завязкина И. Семантические, грамматические и функциональные особенности слова «так» в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003.
2. Родионова С. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004.
3. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. 1980.
4. Bolinger D. Degree words. The Hague; Paris, 1972.
5. Buzarovska E. Equality versus Similarity Constructions in English // Journal of Language and Linguistics. 2005. 4, 1. P. 74–99.
6. Inkova O. Scalarité et anaphore: sur quelques expressions scalaires en russe // Communication au 39e Congrès de la Societas Linguistica Europaea (SLE), Bremen, 30.08–02.09.2006. Bremen, 2006.
7. Kiesler R. Où en sont les études sur la mise en relief? // Le Français moderne. 2000. 68–2. P. 224–238.
8. Mathesius V. Verstärkung und Emphase // Mélange de linguistique offerts à Charles Bally. Genève, 1939.
9. Peters H. Die Englischen Gradadverbien der Kategorie booster. Tübingen, 1993.
10. Os C. van. Aspekte der Intensivierung im Deutschen. Tübingen, 1989.

Формирование и функционирование мотивационных сетей в газетном тексте (на материале современного русского языка)

А. К. Казкенова, С. А. Никитина

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы (Казахстан)

Мотивационная сеть, слово, текст, контекст, мотивированность

Summary. In the given report the motivating webs – the peculiar units of words – are considered, the description of their forming and functioning in modern newspaper articles are suggested.

Исследование текста / дискурса предполагает выявление и описание его составных частей. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить динамическим объединениям, появление которых обусловлено самой организацией текста. Один из видов таких объединений, который может быть обозначен как «мотивационная сеть», описывается в данном разделе.

Мотивационная сеть (МС) – это совокупность слов, связанных между собой мотивационными отношениями, функционирующих в одном тексте / дискурсе и обладающих контекстно обусловленными лексическими значениями. Например: *Большой вклад в мировое экономическое развитие со стороны развивающихся стран внесли так называемые «тигры»: Гонконг, Сингапур, Тайвань и Южная Корея... Ненамного отстали их младшие братья – «тигрята» (не помню, называл ли их кто-нибудь так, но, на мой взгляд, такое название им подходит): Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины* (Комсомольская правда. 2003. 14 окт.). В приведенном фрагменте газетного текста обнаруживается МС «тигры» – «тигрята». Ставшее уже традиционным обозначение вышеперечисленных стран словом «тигры» (скорее всего, редуцированный вариант сочетания «азиатские тигры») стало основой для развития именно в таком контексте многозначности мотивированного слова «тигрята» по уже имеющейся модели.

На примере современных газетных текстов попытаемся определить, как формируются и функционируют подобные объединения.

Импульсом для образования МС служит мотивирующее слово в контекстно обусловленном значении. В контексте оно может проявлять свои системно-деривационные связи, т. е. иметь уже известные в языке производные слова, но может сопровождаться и новообразованиями.

Мотивированное слово, даже если оно формально совпадает с зафиксированной в словарях языковой единицей, тем не менее под воздействием мотивирующего приобретает в контексте дополнительные смыслы (см. вышеприведенный пример). Поэтому можно говорить о двойной мотивированности элементов МС: с одной стороны, они связаны узально-языковыми отношениями, с другой стороны – контекстными.

Приведем пример МС, где мотивированное слово является авторским новообразованием: *«Зажигалка» оказалась незаправленной... Но везет только тем «зажигателям», кот сумел найти подход к обеспеченным всем необходимым нефтяникам, – просто так в «элеватор» не проникнуть, охрана там свое дело знает...»* (Комсомольская правда-Казахстан. 2003. 14 окт.). Поясним, что за характерную форму «зажигалкой» называют в Астане здание Минтранскома РК, соответственно, «зажигатели» – это «обитатели» «зажигалки». Этот пример интересен тем, что демонстрирует более свободный характер связи слов в МС, нежели в рамках языковой системы. Так, потенциальное слово «зажигатель» выступает в контексте как мотивированное словом «зажигалка», тогда как в языковой системе входит в словообразовательный тип «действие – лицо, производящее действие»: *зажигать – зажигатель* (ср.: *читать – читатель*). Естественно, вне подобного контекста слово «зажигалка» также не требует сопровождения мотивированным словом, имеющим значение «обитатель».

Попутно отметим, что двойственность элементов МС часто является источником языковой игры, что в соответствии

с «языковым вкусом эпохи» способствует распространению использования МС в СМИ.

Слово в МС не только меняет свое лексическое значение и характер своей связи с другими единицами языка, но также способно варьировать свои грамматические признаки. Ср.: *Скульптор больших форм поразил крохотной (руками можно обхватить) композицией «Добро побеждает зло». Такой крохотной, что даже дети не пугаются при виде доброго Георгия Победоносца, который протыкает копьем злую ракету СС-20* (Комсомольская правда. 2002. 6 сент.). Мотивированные прилагательные *добрый, злой* в контексте утрачивают качественную семантику, выступая в роли отнесенных прилагательных, образованных от слов «добро», «зло».

Понятие мотивированности необходимо, на наш взгляд, связывать не только с единицами, возникшими и употребляющимися в системе языка, в данном случае русского, но и со словами заимствованными и их иноязычными прототипами. В последнем случае можно говорить о межязыковой мотивированности.

Использование заимствований в современных газетных текстах также демонстрирует возможность организации МС, например: *К этому их призывают сторонники нового модного увлечения, которое получило название Bluejacking. В его основе – отправка шутливых сообщений на телефоны незнакомых людей посредством того же Bluetooth... Есть множество форумов, где блюджекеры приглашают всех желающих присоединиться к их сообществу... Блюджекинг – способ завести новые знакомства* (Известия. 2006. 4 апр.).

Надо отметить, что формирование МС особенно актуально при введении целой группы новых заимствованных слов, иноязычные прототипы которых между собой связаны в языке-источнике. Формирование МС – это своего рода способ семантизации новых заимствованных номинаций.

Таким образом, формирование и функционирование МС определяется структурными, семантическими, ассоциативными взаимосвязями включаемых в них слов.

МС принципиально отличаются от словообразовательных гнезд и других комплексных деривационных единиц. Отличия определяются:

1. Речевым характером МС, тогда как словообразовательные единицы – это прежде всего системно-структурные объединения слов. Как показывает материал, отношения мотивирующего и мотивированного в МС не всегда соответствуют деривационным связям в языке;

2. Их динамичностью, формированием в тексте – в отличие от МС словообразовательные единицы являются статичными образованиями (во всяком случае с синхронической точки зрения). Динамичность МС определяется во многом уже субъективным характером мотивационных отношений между словами.

3. Функциональной направленностью: с одной стороны, существование МС поддерживается контекстом, с другой стороны, формирование МС служит семантизации новых и осмыслению (в том числе игровому) известных обозначений.

Отметим, что создание МС, так же, как ее распознавание и оценка, требует от языковой личности активности и потому часто сопровождается ярко выраженной языковой рефлексией. В связи с этим дальнейшее изучение МС может способствовать освещению речевых стратегий как говорящего, так и слушающего.

Языковые средства формирования точки зрения в поэтическом тексте (на материале нескольких стихотворений Георгия Иванова)

Е. А. Кац

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Точка зрения, многозначность, коннотативная семантика, идиолект

Summary. The report is dedicated to the expression of different points of view in the poetry of G. Ivanov by means of polysemantic words and connotations.

В ранних стихотворениях Георгия Иванова с ролевым «я»-субъектом (актером балагана) сложная субъектная организация создает трудности для интерпретаторов. Эти тексты прочитываются как прославление веселья и легкомыслия, одновременно в них прослеживаются и другие мотивы: жизни и смерти, настоящего и фальшивого, легкости и трагичности существования. Детальный лингвистический анализ позволяет разделить скрытые в этих произведениях разные точки зрения и показать, какими средствами достигается их слитность, как противоречия между ними уходят в иногда с трудом различимый подтекст.

Три точки зрения, представленные в разных сочетаниях в проанализированных текстах, можно охарактеризовать следующим образом. Первая, лежащая на поверхности, – это актер, воплощающий на сцене свою роль, маска. Вторая – человек, скрывающийся за этой маской, личность, не равная роли. Третья – точка зрения общества или конкретных зрителей, пришедших на представление. Игра на сцене в этих стихотворениях становится объектом изображения, о ней рассказывает «я»-субъект, описывая конкретные представления или представляя зрителям балаган. Именно это и становится источником затруднений в понимании текста: рассказ от первого лица предполагает передачу точки зрения этого лица, в нашем случае – актера-маски, воплощенной роли.

Все три точки зрения представлены в стихотворениях «Болтовня зыбавшего в балаган» (1913) [а] и «Фигляр» (1912) [б].

Вторая точка зрения (человек, скрывающийся за маской) проявляется следующими способами:

1. В словосочетаниях *жить нестро, блуждающий кот, несетесь в пламенном матчише* и т. д. реализуются значения, за которыми закреплены коннотации 'любовь', 'веселье' и 'бесприютность'. Их сложное переплетение и взаимодействие в тексте стихотворения не позволяет понимать рефрен «любовь, веселье и уют» однозначно и сводить смысл стихотворения к утверждению веселья и беспечности. С первой точки зрения (маски), жизнь в балагане весела и приятна. Но в стихотворении в неясном виде есть и точка зрения человека, который играет эту роль и воспринимает такую жизнь иначе, чем изображаемый им балаганный персонаж [а].

2. Одним из ключевых слов является слово *играю*. Оно задает способ прочтения текстовых событий, семантика которых противоречит коннотациям, связанным с обыденным пониманием игры как действия легкого и веселого. В рамках игры слово *умираю* приобретает игровое значение, однако дальнейшее рассмотрение контекста стихотворения выявляет смыслы, которые поддерживают трагическое прочтение строки *И, если я умираю, Все громко хлопот мне* [б].

Точка зрения стороннего наблюдателя, зрителей выявляется при анализе следующих слов и словосочетаний:

1. Особенности употребления местоимения *я* в русском языке и значение частицы *вот* создают дистанцию между говорящим и объектом представления; такая дистанция предполагает наличие внешней по отношению к говорящему точки зрения [а].

2. Употребление по отношению к себе слова с отрицательной коннотацией (*ломака*) заставляет обратиться к источнику отрицательной оценки субъекта: им оказывается общество, презрительно относящееся к комедиантам [а].

3. Использование слов, несущих разные стилистические смыслы, в заглавии и в основном тексте стихотворения (*балаган vs. театр*) создает возможность приписывания их

разным субъектам: создателю текста и ролевому субъекту, замещающему позицию внутреннего отправителя. Слово сниженного стилистического яруса (*размалевана*) может восприниматься как нейтральное – с точки зрения ролевого субъекта, для которого сниженный стилистический ярус является нормой употребления. Это слово в таком случае не выделяется, т. к. содержит стилистический смысл 'разговорность'. Но оно же передает отрицательную оценку, релевантную для читателя, владеющего нормой литературного языка, эта оценка поддерживается и коннотациями слова *балаган* в заглавии [а].

4. В строке *Приятно тела восковые Гвоздем раскаленным колоть* возникает противоречие между положительной оценкой действия «я»-субъектом (ему *приятно*) и его отрицательной оценкой в нормальной картине мира. Так создается второе прочтение реплик «я»-субъекта как относящихся к нему самому, а не к куклам: зрителям, уже упомянутым в стихотворении как *милые гости*, которые хотят начать пытки, приятно смотреть на мучения и мучить самого фигуляра. Такое двойственное понимание поддерживается контекстом (*сердце ... стало негодным*): *негодное* может пониматься как «плохо работающее, болезненное» (его измучили эти выступления), а может как «дурное» (ему приятно пытать других) [б].

В стихотворении «Я кривляюсь вечером на эстраде...» присутствуют первая и вторая точка зрения, но актер-маска и актер-человек здесь очень схожи: они разделены в пространстве (сценическое vs. бытовое), но их интересы, чувства, мысли не противопоставлены друг другу.

Иная ситуация в стихотворении «Актерка»: здесь все три точки зрения чередуются, причем иногда сложно точно определить, с чьей точки зрения подан конкретный фрагмент. В первой строфе ситуация описывается с точки зрения персонажа, которого играет актерка, во второй строфе появляется точка зрения зрителей, противопоставленная точке зрения человека, который играет роль и сознает условность происходящего (*печально, как надо*). А далее в тексте возникает оксюморон (*безвредного яду*), который передает неразрывность игры и жизни и, в то же время, дает нам возможность разделить точки зрения («яд» – для зрителей, принимающих условность сценического действия, и для персонажа; «безвредный» – для человека, играющего роль и отрицающего об условности). В последних двух строфах остается вторая точка зрения, но и здесь она не отделена от остальных: последние строки вводят противопоставление актера-человека и актера-роли. Слово *воскресать* возвращает нас в пространство точки зрения персонажа (который умирает), а его высокий стилистический ярус нарушает сложившееся восприятие происходящего в бытовом ключе и показывает двуплановость ситуации: в одном денотативном пространстве несовместимы ужин и воскресение, для актера-человека это ситуация резкого противоречия сценической и обыденной жизни.

В проанализированных стихотворениях с самого начала заложено несколько точек зрения, а трудность прочтения обусловлена тем, что эти точки зрения присутствуют в тексте скрыто: в непрямых денотативных или в коннотативных значениях, которые выявляются в результате подробного семантического анализа. Реализация многозначным словом нескольких значений одновременно – характерная особенность поэтического языка. Свообразие использования этого приема у Г. Иванова в том, что часто в его стихах одновременно реализуются не просто разные, но противоположные значения слов, или же такие значения, которые актуализуют противопоставленные друг другу коннотации.

Множественность интерпретации в аспекте лингвистической герменевтики

Л. Г. Ким

Кемеровский государственный университет

Смысл высказывания, множественность интерпретации, интерпретирующая стратегия, интерпретатема

Summary. The paper presents the analysis of the factors stipulating the plurality of language interpretation. The author describes and differentiates such concepts as «object», «content», «interpretation technique», «characteristics of interpreting strategy».

Лингвистическая герменевтика как наука об истолковании текстов берет свое начало в интерпретации, т. е. творческом процессе извлечения и объективации смысла языкового выражения и текста в целом.

Любое языковое выражение потенциально имеет множество смыслов, которые выявляются соответственно в процессе его интерпретации. Возможность неоднозначной интерпретации языкового выражения и реализации множества его смыслов обусловлена общесемиотическими, системно-языковыми, функционально-прагматическими и коммуникативно-персонологическими факторами.

Общесемиотический фактор определяется природой языкового знака, которая лингвистической наукой квалифицируется как асимметричный дуализм языкового знака и отражает существующее противоречие между бесконечностью смысла и конечностью языковых средств его выражения.

Системно-языковой фактор определяется спецификой лексико-грамматической организации русского языка, в том числе свободным порядком слов при организации высказывания; возможностью как контактного, так и дистантного расположения семантически и грамматически связанных элементов высказывания; отсутствием языковых маркеров связи компонентов, т. е. частичным аналитизмом грамматической системы; омонимией, пронизывающей все уровни языковой системы, условно семиотическим характером пунктуационной системы и т. д.

Функционально-прагматический фактор определяется отношением говорящего и слушающего (адресанта и адре-

сата) к языковому знаку, присвоению ими языкового знака. Объективированный в языковом выражении замысел говорящего не может быть адекватным этому выражению, которое при этом слушающим не «прочитывается», не «расшифровывается», а создается, творится. Языковое выражение, следовательно, имеет вариативно-интерпретационный статус.

Коммуникативно-персонологический фактор определяется характером и условиями речевого взаимодействия, а также типом коммуникантов, степенью совпадения их апперцепционной базы, информационного и семантического запаса.

Следует дифференцировать и определить такие понятия, как *объект* интерпретации (языковое выражение), *содержание* интерпретирующего суждения (*интерпретатема*), *способ объективации* интерпретации и *характер (вид)* интерпретирующей стратегии (стратегема).

Анализ способов интерпретации позволяет дифференцировать следующие: интонационный, пунктуационно-графический, метаязыковой и ассоциативно-смысловой. Их противопоставление обусловлено как видом речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо), так и условиями коммуникации и предпочтениями в выборе интерпретирующей стратегии коммуникантов.

Дифференциация интерпретирующих стратегий позволяет установить следующие: стратегия на извлечение буквально-го смысла, конвенционального и ассоциативного.

Высказывание с кванторными детерминантами как феномен текста

Е. Н. Клемёнова

Ростовский государственный педагогический университет (Ростов-на-Дону)

Кванторные детерминанты, текст, тексто- и смыслообразование

Summary. In this article we intend to touch upon some questions concerning a phenomenon widely spread in modern Russian, but not properly studied. That is a special sort of free spreading elements of the sentence with restricting and singling out meaning. Due to their structural and semantic, communicative and pragmatic features the constructions studied are relevant means of text- and meaning forming.

Категориальная сущность детерминантов состоит в том, что они, будучи формально не связанными ни с каким отдельным членом предложения, поясняют предикативную единицу в целом и обладают уникальным функционально-прагматическим потенциалом, позволяющим им активно влиять на формирование смысла высказывания и текста. Спектр смысловых отношений, выражаемых детерминантами, столь широк, что их изучение требует интеграции различных научных знаний: филологии, философии, логики и даже математики.

Человек познает мир через отношения, существующие между объектами в пространстве. Самыми распространенными среди них являются отношения части и целого, элемента и множества, наличие и значимость которых требуют постоянного уточнения, выделения, ограничения или унифицированности. Реализация такого рода логических операций наиболее полное и емкое освещение получила в логике с позиций теории кванторности. Что касается средств языка, передающих этот тип отношений, то в современном языке они только начинают анализироваться.

Элементы множеств и подмножеств представлены в семантической структуре высказывания различными актантами. Наряду с собственно субъектными и объектными актантами высказываний могут функционировать и синкретичные актантно-сирконстантные **кванторные детерминанты**, специализированные на выражении ограничительно-выделительных отношений.

Специфика КД состоит в том, что в их формировании принимают участие свободные синтаксемы, образованные с помощью производных предлогов с отчетливо выраженным

лексическим значением (*кроме, вместо, помимо, включая, исключая, за исключением, взамен, наряду с, вместе с, сверх, в области, с точки зрения, в отношении, в лице, в отличие, в смысле, в соответствии, не считая, в сфере и др.*). КД отличаются способностью как бы встраивать элементы множеств в семантическую структуру высказывания в качестве дополнительных субъектных, объектных или актантно-сирконстантных распространителей. КД, таким образом, находятся на самой ближней периферии по отношению к актантно-предикатному ядру высказывания, а в некоторых случаях образуют с ним семантически неразрывное единство.

В сочетании с местоимениями и союзами эти словоформы образуют **кванторные скрепы** (*взамен того чтобы; в свете того что; кроме того что; вместо того чтобы; помимо того что; сверх того что; в смысле того что; в том смысле что; с точки зрения того что; наряду с тем что и другие*), которые предназначены для связи придаточной и главной частей сложноподчиненного предложения. Эта развивающаяся структура сложных предложений получила название сложноподчиненных предложений с кванторными придаточными.

Сформированные при помощи КД **высказывания** имеют общее ограничительно-выделительное значение и представляют собой наиболее экономный путь в коммуникативной реализации операций с элементами множества или объектами материального мира через отношения «часть – целое».

С функционально-прагматической точки зрения высказывания с КД акцентируют авторский смысл, включая, исключая, замещая или выделяя определенные единицы того или

иногое множества. Иницируя фрагменты текста, в том числе выступая в заголовочной функции, высказывания с КД являются фокусом, в котором сходятся все актуализируемые отношения между основными понятиями текста, что позволяет интерпретатору сосредоточить свое внимание на соответствующих объектах и соотнести их с интенцией автора.

С коммуникативной точки зрения высказывания, содержащие КД, обладают дополнительными возможностями в актуализации авторского замысла. Связующий потенциал детерминантной конструкции со значением включения, исключения, замещения или выделения при делении на «данное – новое» позволяет использовать кванторные детерминанты для реализации в высказывании или тексте «данного», «нового» или «новейшего». Позиция КД как «новейшего» в «новом» является показателем их смысловой доминантности в тексте.

Успешность коммуникации во многом зависит от языка как объективной данности, имеющей свои ограничения и правила. В этом смысле высказывание с КД является востребованным средством, способным удовлетворить потребности коммуниканта в развертывании собственной проекции текста.

Текстовый статус высказываний с КД определяется комплексом факторов: структурно-семантической организацией высказывания, его коммуникативной направленностью, прикрепленностью к определенному сегменту текста и позиционной обусловленностью. В научном тексте высказывание с КД способно аккумулировать и выражать как новое, так и старое знание, быть мостиком / переходным зве-

ном в доказательствах и заключать в себе категориальный признак, на основании которого будет получено новое знание. В официально-деловом тексте данный тип высказываний регламентирует поведение адресатов, выступая в качестве средства адаптации законов к их эффективному пониманию. Активное употребление высказываний с КД в языке средств массовой информации обусловлено возможностью этих самостоятельных распространителей выражать особый «сконцентрированный смысл» высказывания, который соответствует постулату максимы качества. В художественной прозе высказывания с КД участвуют в формировании тематического единства фрагмента текста, в развитии его смыслового содержания, в композиционном оформлении сложного синтаксического целого (в выделении зачина, концовки). В поэтическом тексте они приобретают относительно самостоятельные семантические и эстетические функции («смыслочувствительная вспышка») и становятся единицей гармонической организации текста.

В заключение хочется отметить, что механизм понимания текста мы ориентируем на выявление области объективного как универсального, где на шкале переходности возможно осуществление интерпретации текста от однозначности в официально-деловом тексте – к бесконечному варьированию интерпретаций в художественном тексте. Основываясь на этом, мы расцениваем **высказывание с КД как уникальное средство, расширяющее объем объективного и способствующее однозначности интерпретации.** В художественном тексте высказывания с КД лишь провоцируют смыслопорождающий процесс, становясь своеобразной активной точкой, призванной умножать количество ассоциаций.

Теория текстовой пунктуации в современной лингвистической парадигме

Л. М. Кольцова

Воронежский государственный университет

Текстовая пунктуация, единицы пунктуации, пунктуационная позиция, пунктуационная фигура, пунктуационный сценарий

Summary. Punctuation is regarded in the framework of concept-based text analysis. Punctuation means & techniques of organizing language units are defined as a system of structure – forming components belonging to different levels of the language. Punctuation system is understood as a complex of language means manifesting relations of adjunction, disjunction, attraction and expansion of linguistic elements to represent the author's view of the ward in language terms.

Современное описание и интерпретация «текстовой реальности» предполагает выявление тех общих закономерностей, которые выводят на поверхность, эксплицируют своеобразие (общезыковое, функционально-стилистическое, индивидуально-авторское) объединяющего и членящего языкового сознания. Именно поэтому лингвистические теории и концепции текста, кода, дискурса не могут быть полными без соответствующей теории текстовой пунктуации, где **пунктуация** должна рассматриваться как **иерархическая система единиц (пунктуационных позиций, пунктуационных фигур и пунктуационных сценариев), организующая текст путем объединения, членения, выделения и развертывания языковых элементов, воплощая тем самым представление человека о мире в виде детализированной языковой картины.**

Выявление участия знаков в смыслопорождении и их роли в смысловосоставлении не только в линейном ряду, но и в вертикали при анализе текста, несомненно, будет способствовать пониманию того, что мышление организуется не только горизонтальными, но и вертикальными комплексами, что имеет существенное когнитивное значение и дидактическое применение.

Теория текстовой пунктуации предполагает

- обоснование положения о системном характере пунктуации текста;
- определение основных единиц текстовой пунктуации;
- описание содержательных свойств единиц текстовой пунктуации;
- выявление инвариантных форм и возможности варьирования форм, обеспечивающих графически-пунктуационную организацию текста;

прогнозирование тенденций развития текстовой пунктуации, для которой «экспериментальной площадкой» является в первую очередь художественный текст.

Системность пунктуации художественного текста реализуется и обнаруживается в целом ряде формально выраженных элементов, компонентов, единиц внешней, поверхностной структуры, которые обеспечивают особую **упорядоченность** как неотъемлемое свойство многофункциональной, многоплановой и многозначной семантической макроструктуры, обладающей глубинными, основополагающими свойствами и качествами, определяющими специфику художественного «перевода» картины мира, моделируемой фантазирующим сознанием художника в завершенную языковую форму тщательно выстроенного, целостного произведения, рассчитанного на адекватное восприятие и понимание другим творящим сознанием.

Это взаимодействие возможно лишь на основе общего знания о средствах, способах и приемах репрезентации установок, которые лежат в основе выбора форм, оказывающих наивысшее воздействие на языковое сознание и расширяющих его возможности.

Системность пунктуации художественного текста проявляется

- в иерархической организации пунктуационных единиц;
- в многомерности содержательных свойств единиц пунктуации;
- в наличии отношений многомерных оппозиций между единицами пунктуации;
- в явно прослеживаемом процессе последовательного усложнения системы, движения к многозначности, нечеткости значений, что характерно для сложных систем.

К пунктуации как системе применимы те подходы, которые получают право на жизнь в рамках синергетических исследований, предполагающие возможность некоторого множества интерпретаций одного текста, гипотетичности, вероятностного характера знаний, выявление неявных, скрытых смыслов и значений.

Роль наблюдателя в речи типа «повествование»

Е. В. Корпусова

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

Говорящий, наблюдатель, повествовательная ситуация, повествователь, повествование

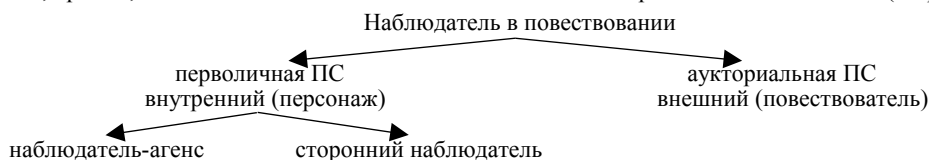
Summary. The investigation is dedicated to one of the urgent problem of the modern linguistics, to the role of the observer in an artistic text. The author distinguishes two kinds of observer, inner and outward, in depending on the narrative situation («аукторiale Erzählsituation» and «Ich-Erzählung»). The speech behavior of narrator-observer is analyzed in this investigation.

В основе мысли, выраженной посредством языка, лежит восприятие. Человек, строя свое высказывание, может говорить о чем-либо, исходя из собственного чувственного опыта или основываясь на чувственном опыте другого лица. В первом случае говорят о говорящем как «субъекте восприятия» или «наблюдателе», во втором – разграничивают понятия «говорящий» и «наблюдатель».

При рассмотрении роли говорящего как субъекта восприятия в речи типа «повествование», основополагающим для нас будет разграничение двух разновидностей повествования: информационного и сценического. Известно, что «информационное повествование представляет собой сообщение о каких-либо действиях или состояниях, без их конкретизации и детальной хронологической последовательности» (Нечаева). В таком повествовании содержится обобщенная информация о чем-либо, в нем есть только тема сообщения. Такое сообщение не зримо, оно не воспринимается при помощи органов чувств, в нем нет «наблюдаемости», а значит, говорящий не может выступать в роли наблюдателя. Иное будет при рассмотрении сценического повествования, оно в отличие от информационного «подробное, хронологически последовательное, зримое, когда о событиях обычно быто-

вого характера рассказывается так, как бы движется кадр за кадром» (Нечаева). Таким образом, говоря о субъекте восприятия в повествовательном тексте, мы будем иметь в виду только сценическое повествование, поскольку оно, в отличие от информационного, содержит конкретные последовательные действия и состояния, и требует присутствия наблюдателя.

Говоря о роли наблюдателя в повествовательном тексте, мы считаем необходимым провести разграничение между внутренним и внешним говорящим-наблюдателем (см. схему). Это различие связано с повествовательной ситуацией (ПС) микротемы. Если ПС аукториальная («аукторiale Erzählsituation»), то наблюдатель будет внешним, не являющимся участником ситуации (это повествователь, реально не присутствующий в мире текста). Говорящий в художественном произведении может занимать позицию внутреннего наблюдателя, если ПС перволичная («Ich-Erzählung»). В этом случае говорящий является либо активным действующим субъектом повествования, принимающим непосредственное участие в какой-либо ситуации (наблюдатель-агенса), либо он является субъектом повествования, не принимающим активного участия в происходящих событиях (сторонний наблюдатель).

В тексте наблюдатель всегда занимает какое-то определенное пространственное положение по отношению к наблюдаемому объекту. В повествовании наблюдатель может быть статичным, то есть на протяжении всего высказывания он локализован в данном конкретном месте, но, как показывает языковой материал, может в пределах одной микротемы изменять свое пространственное положение (это особенно характерно для внутреннего наблюдателя).

Большой интерес представляют тексты, где в роли наблюдателя выступает повествователь, который, хотя реально и не присутствует в мире текста, не является участником ситуации, но так же, как и персонажи, может изменять свою пространственную локализацию. Как отмечает М. М. Бахтин, «автор изображает мир или с точки зрения участвующего в изображаемом событии героя, или с точки зрения рассказчика, или подставного автора, или, наконец, ведет рассказ прямо от себя; но и в этом случае он может изображать временно-пространственный мир с его событиями, как если бы он видел и наблюдал его» (Бахтин). Но поскольку реально он не присутствует в пространстве ситуации, то думается, что это скорее поэтический прием, служащий для большего воздействия на адресата, для придания повествованию большей достоверности. В качестве примера можно привести повествователя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя, где повествователь легко меняет свое положение в пространстве, никак не аргументируя свои перемещения и не используя для этого какие-либо особые языковые средства. Он, не являясь участником ситуации, наблюдает за действи-

ями героя со стороны и не выдает своего отношения к происходящему.

Но в некоторых текстах говорящий, занимая позицию внешнего наблюдателя, выражает свое отношение к изображаемой ситуации, высказывает пожелания, дает советы, вмешивается в речевую ситуацию.

В повествовании говорящий и наблюдатель не всегда тождественны друг другу. Анализ языкового материала показывает, что говорящим в тексте может быть повествователь, строящий свое высказывание на основе того, что воспринимает персонаж, то есть наблюдателем является персонаж, а не повествователь (например, в ситуации прихода к Турбинным поручика Мышлаевского в «Белой гвардии» М. А. Булгакова).

Таким образом, исследование показало, что

- в зависимости от повествовательной ситуации различают внутреннего и внешнего наблюдателя;
- внутренний наблюдатель может быть активно действующим субъектом в микротеме, а может наблюдать за действиями других со стороны;
- внутренний наблюдатель имеет пространственно-временную локализацию в тексте высказывания и является началом системы координат для своего восприятия;
- внешний наблюдатель – это всегда повествователь, который не представлен в высказывании, а если в тексте содержатся намеки на его пространственную локализацию, то это будет, скорее, поэтическим приемом;
- говорящий и наблюдатель в повествовании не всегда тождественны друг другу.

Взаимодействие разноуровневых синтаксических связей в художественном тексте

Е. И. Костанди

Тартуский университет (Эстония)

Синтаксические связи, прагматика, взаимодействие, художественный текст

Summary. In the given report the object of investigation is the functioning of the types of syntactic connection on the different language levels. These connections form the system and are conditioned by of the author and intentional setting.

1. Функциональная направленность разноуровневых синтаксических связей (сочинительная и подчинительная связи

слов, предикативная связь, связи между частями сложного предложения и текста) в значительной степени обусловлена

коммуникативно-прагматическим, субъективными факторами, так как выбор способа и средств связи не задан изначально и однозначно общеязыковыми правилами, а осуществляется субъектом речи в определенных коммуникативных условиях. Анализ характера использования разных типов синтаксической связи свидетельствует о том, что все они в той или иной степени, являясь одним из средств моделирования языкового события / факта, соотносятся с авторской интенцией, контекстом, условиями коммуникации, оценочностью, фокусировкой, направленностью на определенного адресата.

2. Анализ разного языкового материала (художественные, газетные, официально-деловые, научные, рекламные, учебные тексты) позволяет говорить о взаимообусловленности синтаксических связей в словосочетании, простом и сложном предложении и тексте. Особый характер такого рода взаимообусловленности наблюдается в художественных текстах, которые и будут рассмотрены в предполагаемом докладе.

3. В ряде ранее опубликованных работ (см., например, [1]–[5]) автором доклада на материале художественных произведений А. Чехова, Л. Толстого, Ф. Достоевского, В. Набокова, И. Бунина, М. Булгакова, И. Шмелева, И. Бабеля, В. Шукшина и др. анализировались различные синтаксические связи как средство реализации коммуникативно-прагматической направленности, что позволило описать некоторые как специфические, характеризующие идеологию писателя, конкретное произведение, особенности, так и ряд закономерностей более общего характера.

4. Говоря о специфических особенностях, можно отметить, что, например, рассказ И. Бунина «Солнечный удар» отличается тесным взаимодействием всех основных способов и средств связности (характер субституции, использование коннекторов, текстовая функция актуального членения, грамматические средства связности), особой значимостью предикативной связи в структурировании целого текста.

Особое использование сочинительной связи слов как средства выражения определенной точки зрения на событие характерно для Ф. Достоевского, И. Тургенева. Однотипность такого средства связности, как лексический повтор, характеризует произведения А. Чехова, например, рассказ «Душечка».

5. В докладе предполагается рассмотреть некоторые общие закономерности, обнаруженные в большей части проанализированных произведений, такие, как соотношенность типа синтаксической связи и фокусировки, позиции воспринимающего события субъекта, оценочности. Особое внимание при этом будет уделено взаимодействию синтаксических связей разных уровней в рамках целого текста. Как показывает анализ данного аспекта, разные типы синтаксической связи функционируют в художественном тексте как единая система, основой которой является авторская установка.

Литература

1. *Костанди Е.* Тип связи как способ реализации коммуникативно-прагматической установки // *Ivairiu tipu tekstu / diskursu (kalba, literatura, didaktika)*. Kaunas, 1998. С. 79–86.
2. *Костанди Е.* Коммуникативно-прагматическая направленность сочинительной связи (на материале художественного текста) // *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия II. Прагматический аспект исследования языка*. Тарту, 1999. С. 90–97.
3. *Костанди Е.* Некоторые особенности текстовой функции сказуемого // *Труды по знаковым системам. Sign Systems Studies*. Tartu, 1999. С. 292–303.
4. *Костанди Е.* Контекстуальная прагматизированность синтаксических связей // *Tallinna Pedagoogikaülikooli toimetised. Humaniora. A 21. Семантические проблемы русского языка*. Tallinn, 2002. С. 45–58.
5. *Костанди Е.* К вопросу о взаимодействии текстовых связей // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX*. Тарту, 2006. С. 140–153.

Способы отражения авторского мировосприятия в поэтическом тексте*

Л. Б. Крюкова

Томский государственный университет

Мировосприятие, поэтический текст, языковая картина мира, метафора

Summary. A poetical text is a special form of communication. Depending on the communicative intentions of the author the poetical texts represent direct and indirect representation of the receptive situation. In the case of metaphorical comprehension of the situation the predicate may be expressed through the verbs of different lexico-semantic groups.

Восприятие представляется одной из важных сторон человеческой жизни. Прежде чем осмыслить окружающий мир, человек воспринимает его посредством зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса. Обращение к проблеме восприятия в лингвистике связано с развитием когнитивного направления.

Выявление механизмов взаимодействия языка и культуры, языка и мышления, выявляется в пределах высказывания и текста. Поэтические тексты, рассматриваются как особая форма коммуникации, позволяющая реконструировать фрагменты русской языковой картины мира, моделируемые путем интерпретации отдельных понятий. Смысл текста актуализируется с учетом контекстуальных наращений и индивидуально авторской картины мира.

Поэтические тексты «насыщены» семантикой восприятия. В них отражается индивидуально-авторская картина мира. На основе конкретно-чувственного восприятия рождается метафоричность, наглядность, зримость поэтических образов [1].

При исследовании метафор в лексической структуре поэтических текстов Н. Гумилева [2], было выявлено, что основанием для них является ассоциация представлений, относящихся к различным сферам чувственного восприятия: а) зрительное основание: *Он оборвавшись упал / В зыбкие, бледные дали / Венецианских зеркал*; б) слуховое основание: *От того и солнце дышит / А земля говорит, поет*; в) обонятельное основание: *Они забыли о своей благоухающей легенде*. Часто встречаются метафоры по комплексу оснований: а) зрительное и слуховое: *Тайные думы поэта / В серд-*

це его прихотливом / Стали потоками света, / Стали шумящим приливом; б) обонятельное и вкусовое: *Ах, здесь слишком много бубнов зреющих, / Слишком много сладких, пахучих тел*.

В зависимости от коммуникативных намерений автора в поэтических текстах представлено прямое и переносное описание ситуации восприятия. Автор высказывания может акцентировать внимание на различных аспектах ситуации, что обуславливает вариативность представленных семантических моделей. При описании одной ситуации (например, зрительного восприятия) используется различное количество актантов и неодинаковый набор предикатов.

Рассматривая поэтические тексты «серебряного века», следует отметить, что базовые глаголы слухового и зрительного восприятия (видеть, смотреть, глядеть, слышать, слушать) не единственное средство выражения предикативного компонента. В случаях метафорического осмысления предикативный компонент репрезентирован глаголами различных лексико-семантических групп.

Предикат в высказываниях зрительного восприятия может быть представлен:

1) глаголами *движения, перемещения* в сочетании со словами *взор, взгляд, глаза*: *И разом начал взглядом вас преследовать* (Б. Пастернак);

2) глаголами *физического действия* в сочетании со словами *взор, глаза*: *Надежды знак. Но, милый друг, / Я взора на него не кину* (Н. Гумилев). *Взор* подобен материальной сущности, конкретному предмету, его можно *бросить*;

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (МК-2621.2005.6).

3) глаголами *взаимодействия* в сочетании с лексемами *взгляд, взор*: *Не колесо громовое – / Взглядами перекинулись двое* (М. Цветаева). Обмен *взглядами* приводит к изменению состояния;

4) глаголами *воздействия* в сочетании со словами *взор и глаза*: *И осень, ясная как знаменье, / К себе приковывает взоры* (Б. Пастернак). *Взор* воспринимается как твердый предмет. Глагол *приковать* используется в переносном значении – «привлечь чье-то пристальное внимание»;

5) глаголами *мыслительной деятельности*: *Встретив на горном тебя перевале, Мой прояснившийся взор / Понял тосканские дымные дали / И очертания гор* (А. Блок). *Взор* представлен как одушевленный субъект, способный к мыслительным операциям.

В качестве предиката в высказываниях слухового восприятия используются:

1) глаголы, отражающие процесс *поглощения жидкости*: *Ухо пьет – неслыханную молвь* (М. Цветаева);

2) глаголы *физического действия*: *И ухо ловит каждый звук* (Н. Гумилев);

3) глаголы *физического состояния*: *И снится Разину – звон: Ровно капельки серебряные каплют* (М. Цветаева).

Выступая в роли субъекта восприятия, неодушевленные существительные реализуют переносные значения. Они уподобляются одушевленному. Способностью к восприятию наделяются и конкретные реалии действительности: *растения, планеты, артефакты*; абстрактные сущности: *любовь, вечность, удача*. Прием олицетворения является неотъемлемой составляющей поэтического текста: *Солнце смотрит в*

бинокль (Б. Пастернак), *А любовь глядит и торжествует* (Н. Гумилев).

При описании объекта восприятия важную роль играют различные определители (особенно световые и цветовые характеристики): *Вижу сон. Дорога черная* (С. Есенин).

В поэтическом тексте есть множество окказиональных образований, относящихся к различным вариантам синестезии. Это сочетания, в которых для характеристики объекта слухового восприятия используются зрительные определения: *Иль голосом серебряным волюнка / Вдали поет о вечере разлук* (А. Ахматова); *Черным храпом карет перекушен, / В белом облаке скачет лихач* (Б. Пастернак); *Слышу в тумане я светлую весть* (С. Есенин); *Маска, дай мне чуточку слушать / Сердце темное твое* (А. Блок). В высказывание вторгается зрительный образ, который не является доминирующим, но, сопутствуя основной ситуации, он отражает авторское мировосприятие.

Таким образом, языковое воплощение ситуации восприятия регулируется собственными принципами, обусловленными языковой картиной мира. Участвуя в выражении основной идеи произведения, высказывания со значением восприятия отражают индивидуально-авторское видение мира.

Литература

1. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000. 190 с.
2. Леонова И. Б. Метафора в лексической структуре поэтических текстов Н. Гумилева // Актуальные проблемы русистики. Ч. 2. Томск, 2003. С. 196–202.

Внутренний монолог персонажа как вариация экспрессивно-семантической категории обращенности

В. Л. Кудашина

Невинномысский филиал института управления, бизнеса и права (Ростов-на-Дону)

Экспрессивность, эмоциональность, обращенность, рефлексивная позиция, читательская рефлексия, когнитивное пространство реципиента

Summary. We try to prove that an internal monologue of the character makes for the reader's involvement in the process of intercourse «character-reader». It calls the addressee to be deep in thought and, hereunder, possesses peculiar expression. Character's internal monologue changes the recipient's cognitive space and promotes the perception of the text in the course of the author's idea.

Внутренний мир персонажей художественной прозы богат, неоднозначен и нередко противоречив. Создание подобной многомерности и объемности образа персонажей возможно не столько благодаря внешнему общению, сколько внутреннему. Посредством сочетания «вербализованного» и «скрытого» автор художественного произведения обнажает моральный облик своего героя, позволяет реципиенту глубоко проникнуть во внутренний мир персонажа и раскрыть «глубинную» составляющую его образа.

В представленной статье мы стремимся доказать, что внутренний монолог персонажа способствует вовлечению читателя в процесс диалогического общения «персонаж-читатель», призывает адресата выйти в рефлексивную позицию и, тем самым, обладает особой экспрессией.

Персонажи произведений не всегда произносят вслух свои умозаключения, пытаясь скрыть истинные стремления. Герои нередко пытаются разобраться в той или иной ситуации, выстраивая логическую цепочку предполагаемых действий, предвкушая ожидаемый результат и анализируя варианты последствий:

I would like to remind Your Excellency that we are not fighting just one man. We are fighting the Basque people. They give Jaime Miró and his terrorists food and weapons and shelter. The man is a hero to them. But do not worry. Soon he will be a hanging hero. After I give him a fair trial, of course.»

Not we. I. The Prime Minister wondered whether the others had noticed. Yes, he thought nervously. Something will have to be done about the Colonel soon.

The Prime Minister got to his feet. «That will be all for now, gentlemen (S. Sheldon. The Sands of Time).

Надо будет ему возразить так, – решил Берлиоз, – да, человек смертен, никто против этого и не спорит. А дело в том, что... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Внутренние монологические высказывания характеризуются явной «обращенностью» (термин Г. В. Гусевой), привлекая внимание читателя к «невывыканному, скрытому».

Более того, экспрессивность внутренней речи персонажей романа Сидни Шелдон усиливается благодаря графическому выделению реплик:

Ah, that's just the appetizer. I'm going to make a famous Basque dish for you, pollo al chilindrón.

He didn't say «for us», Amparo noted. He said, «for you». For the bitch (S. Sheldon. The Sands of Time).

В приведенном фрагменте внутренняя речь представляет часть несостоявшегося диалога и выполняет функцию структурообразующего элемента.

Персонаж нередко вступает в диалог со своим внутренним сознанием, которое может принимать или опровергать те или иные факты, мысли, вскрывать внутренние психологические процессы, представлять течение мыслей как столкновение разных позиций:

Rubio sat there looking into her eyes, holding her hand, and there was such an intense feeling of love coming from him that Lucia felt uneasy. Doesn't he know it could never work? No. Because I haven't the courage to tell him. He's not in love with me. He's in love with the woman he thinks I am. He'll be much better off without me (там же).

There was something almost mystical about her beauty. The irony was that he had absolutely no idea what lay behind the breath-taking façade. Was she intelligent or stupid? Interesting or dull? Cold-blooded or passionate? I hope she's stupid, dull, and cold-blooded, Ricardo thought, or I won't be to stand losing her. As though I could ever have her. She belongs to God. He looked away, afraid that she might sense what he was thinking (там же).

Теперь Иван лежал в сладкой истоме и... беседовал сам с собою.

– Почему, собственно, я так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай? – рассуждал поэт. – В конечном счете, ну его в болото! Кто я, в самом деле, кум ему или сват? Если как следует провентилировать этот вопрос, выходит, что я, в сущности, даже и не знал-то как

следует покойника. В самом деле, что мне о нем было известно? Да ничего, кроме того, что он был лыс и красноречив до ужаса (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Включение внутреннего диалогического общения персонажа в структуру произведения создает у читателя иллюзию живого диалога, благодаря чему читатель чувствует погруженным в развивающуюся ситуацию. В целом, вкрапление внутреннего монолога персонажей в «ткань» повествования продиктовано стремлением автора избежать монотонности изложения, придать ей своеобразную живость и динамичность:

Берлиоз с великим вниманием слушал неприятный рассказ про саркому и трамвай, и какие-то тревожные мысли начали мучить его. *Он не иностранец! Он не иностранец!* – думал он, – он престранный субъект... но позвольте, кто же он такой? (там же).

Carelessly, she made up her bed and stepped out into the long corridor, where the nuns were lining up, eyes downcast. Slowly, they all began to move towards the chapel.

They look like a bunch of penguins, Sister Lucia thought. It was beyond her comprehension why these women had deliberately thrown away their lives, giving up sex, pretty clothes and gourmet food. Without those things, what reason is there to go on living? And the goddamned rules! (S. Sheldon. The Sands of Time).

And the shining in his eyes told her everything he felt. He's so dear, she thought. And then: What is the matter with me? Why am I even thinking about him like this? I'm running away from the police and – She suddenly remembered the gold cross and gasped. Oh, my god! How could I have forgotten it even for a moment? (там же).

Автор умеренно провоцирует читательскую рефлексию, пытаясь создать определенные точки эмоционального контакта с реципиентом. Прибегая к использованию риторических вопросов, продуцент превращает читателя из пассивного получателя информации в активного участника событий. Адресант заставляет читателя размышлять вместе с ним, вовлекает его в дискуссию, активизируя внутреннюю речь реципиента.

Осознание персонажем сложных жизненных ситуаций может происходить в разговоре со своим вторым «я», когда внутренний диалог возникает на основе «саморасщепления личности на участвующие в диалоге субличности» (по В. В. Налимову). Отсюда особая эмоциональность повествования:

Всю дорогу ругал себя: «Ну что тебе надо? Что ты за дурак? Кто она тебе, в конце концов! Невеста? Сестра? Подумаешь, встретились случайно на дороге, подвез к дому и уже переживаешь, будто в любви объяснились. А может, она и думать-то о тебе не хочет. Нужен ты ей больно! Жених у нее законный, а ты никто! Шофер с дороги, сотни таких, не назнакомишься... Да и какое ты имеешь право на что-то рассчитывать: люди сватаются, свадьба будет у них, а ты причем? Плюнь на все. Крути себе баранку, и по-рядок!.. (Ч. Айтматов. Рассказ шофера).

Как показал фактологический анализ, внутренний монолог персонажа в определенной степени изменяет когнитивное пространство реципиента и способствует восприятию текста в русле авторского замысла. Более того, формируется эмотивно-оценочное отношение адресата к происходящему, предопределяются его ориентация и взгляды, провоцируется, а иногда и «навязывается» переживание чувств адресатом.

Механизмы интерпретации классического текста в «Чайке» Б. Акунина

Н. А. Кузьмина

Омский государственный университет

Интерпретация, вторичный текст, римейк, прототекст

Summary. The article deals with the specific genre of postmodernistic fiction – remake – and peculiarities of interpretation classic literary proto-texts.

Аксиомой современной лингвистики можно назвать мысль о том, что ключевая фигура при восприятии художественного произведения есть читатель, «интерпретатор» и что возникновение смысла текста есть его «самопорождение» в результате взаимодействия субъекта и текста. У. Эко считает, что искусство «было и остается «повторяющимся». Процедуры повторения одного и того типа могут породить совершенство или банальность». В своей работе «Инновация и повторение» он выделяет главные типы повторений: *ретейк, римейк, интертекстуальность, серия и сага*. Останемся подробнее на сути римейка как жанра массовой литературы. Римейк – это прием художественной деконструкции известных классических текстов, которые автор по-новому воссоздает, переосмысливает, развивает или обыгрывает на уровне жанра, сюжета, идеи, проблематики, героев, символов etc. Таким образом, римейк существует не сам по себе, а в неразрывной связи с прототекстом, и в этом его принципиальное отличие от произведений элитарной культуры, использующих известные прототексты.

Жанровые поиски современной массовой литературы оказались в значительной степени связанными с игровым использованием классического наследия. Литература обнаруживает склонность к созданию вторичных произведений (дайджестов, римейков, адаптированных пересказов, текстов-продолжений), нередко отсылающих к классическим образцам (ср. «Идиот» Федора Михайлова, «Отцы и дети» Ивана Сергеева, «Анна Каренина» Льва Николаева).

«Чайка» Бориса Акунина – один из самых известных современных римейков, породивший – в свою очередь – множество вторичных текстов (теоретических и критических статей и даже сценическую реинтерпретацию – спектакль театра «Школа современной пьесы» И. Райхельгауза).

Перед читателем не просто вариация на тему Чехова, а новая интерпретация в свете постмодернистской культуры. Можно обнаружить следующие **структурные** изменения классического прототекста: переписано и исправлено четвертое действие чеховской «Чайки», которое становится

первым действием пьесы Б. Акунина, и написано второе действие. **Сюжетные** изменения: в убийстве Треплева подозреваются все присутствующие в доме, и каждый поочередно обвиняется в оном. Загадка самоубийства Треплева превращается в разгадку убийства. В качестве «следователя» предлагает себя доктор Дорн, который с помощью дедуктивного метода начинает вычислять виновного. В расследовании Дорна все персонажи один за другим становятся потенциальными убийцами. В последнем эпизоде Григорин, принимая на себя роль следователя, доказывает, что убийцей может быть сам Дорн.

Мы полагаем, что в основе трансформации классического прототекста лежат лингвистические механизмы интерпретации, которые становятся текстосозидающими приемами создания римейка. Первый из них можно назвать **механизмом редукции (сюжетной, смысловой, психологической)**. Если чеховская «Чайка» – полифоническое произведение, в котором могут быть с равной степенью вероятности «вычитаны» различные потенциальные смыслы, то у Акунина из всего многообразия извлечены лишь детективные детали. Если у Чехова многое в обрисовке ситуаций и характеров намечено, но недоговорено, а герои живут в сфере потенциального, они — «сбор вероятностей» (П. Вайль, А. Генис), поиск их собственного «Я» не закончен, то у Б. Акунина персонажи превращены в своего рода функции с одной доминирующей чертой характера и представляют собой ретушированные портретные зарисовки (М. Костова-Панайотова). «Автор делает установку на восприятие лишь поверхностного смысла, иной при трансформации просто уничтожается» (В. Д. Черняк, М. А. Черняк).

Механизм развертывания (смыслового достраивания, экспликации) заключается в раскрытии определенного смысла, потенциально заложенного в тексте-источнике, или сюжетной линии, не развернутой окончательно, а только намеченной автором текста-источника, или идеи, введенной интерпретатором как противоположность идеи автора текста-источника. Его разновидностью можно считать меха-

низм «разыгрывания» слова, или «драматизации» (В. В. Васильева), суть которого – во внутреннем видении интерпретируемого текста как разворачивающегося действия. Интерпретатор может включать в свой текст описание деталей, признаков объектов, представленных в базовом тексте в общем виде, либо сообщать о конкретных физических действиях, не имеющих места в ситуации, описанной первичным текстом.

Следующий механизм – **механизм монтажа**. Если обратиться к композиции пьесы Акунина, то можно заметить, что все восемь «дублей» предлагают разные «интерпретации» одного события. Таким образом Акунин играет с модной ныне теорией многовариантности – «сада расходящихся тропок», множества «возможных миров». Все версии равновероятны. Отсутствие финала делает все происшедшее еще более абсурдным. Говоря об абсурде, мы должны заметить, что здесь современный писатель не выходит за рамки чеховской поэтики, продолжая мысль классика об абсурде человеческого бытия. Если мы обратимся к некоторым художественным особенностям драматургии Чехова, то увидим, как они зеркально отражены в акунинском римейке. Пьесы Чехова, как отмечалось, строятся по принципу «монтажного мышления», фиксирующего дискретность бытия – Акунин вносит дополнительные смыслы: жизненные этапы человека – это повторяющиеся до мельчайших деталей события и однообразные копии-клоны. Таким образом, слово «дубль» в тексте Акунина эксплицирует представление Чехова о жизни как о череде разрозненных, несвязных эпизодов.

К вопросу о текстовой природе семантической категории персуазивности

С. П. Ламбарджян

Ереванский государственный университет (Армения)

Антропоцентризм, персуазивность, модусные регистры, персуазивная информация / диктумная информация

Известно, что современная лингвистика признает приоритетными исследования, направленные на раскрытие особенностей проявления антропоцентризма в языке. Иначе, актуальны исследования в области модусных регистров, отражающих позиции, оценки участников коммуникации, их прагматические цели ([1]).

Персуазивность, относимая современной лингвистикой к числу обязательных субъективных категорий, формирующий модусный блок предложения, является одной из центральных антропоцентрических категорий в языке. Она выражает степень уверенности говорящего в достоверности информации ([2]).

Наблюдения над языковой действительностью убеждают в мысли, что рамки предложения узки для персуазивности; это текстовая категория. Аргументов в пользу «текстовости» значений уверенности / неуверенности много.

Целью данного доклада является освещение некоторых из них.

Вне контекста предложение персуазивно многозначно: один и тот же экспликатор (*конечно, может быть, кажется* и другие) может придать ему значения как из области уверенности, так и из области неуверенности.

Есть межпредложенческие персуазивные значения (передаваемые с помощью *действительно, стало быть* и т. д.), которые, отражая процесс перехода от неуверенности к уверенности, связывают предыдущую информацию с последующей.

Реализация любого персуазивного значения обусловлена разными параметрами – характеристиками текста: необ-

Механизм утрирования строится на преувеличениях в обрисовке характеров, намеренных повторах, количественном сгущении признаков. Задача данного механизма, по нашим наблюдениям, заключается в осуществлении общей игровой, пародийной, иронической установки. Кстати сказать, в критике говорилось, что некоторые драматургические приемы Чехова, использованные в «Чайке», восходят к водевиллю. Игровую установку реализует также **механизм модификации** – актуализации несходства в сходном, заострения различного до противоположного.

Наконец, **механизм стилизации / осовременивания** создает ощущение со-противопоставленности оригинала и вторичного текста, «игры с Текстом» и «игры в Текст», демонстративное «обнажение приема».

Таким образом, мы полагаем, что любая интерпретация – это извлечение потенциальных смыслов, заложенных в базовом тексте. Возвращаясь к непосредственно анализируемому тексту, можно сказать, что Б. Акунин в «Чайке» обыграл сам феномен интерпретации, предложив нам современную ироническую рефлексию на темы Чехова. Перед нами не пародия на Чехова, а пародия на примитивное чеховедение, на эпигонов и подражателей, на систему школьных стереотипов. Это тот самый прием «остранения», о котором писал В. Б. Шкловский в начале теперь уже прошлого, XX, века и который с успехом применяют современные писатели (Д. А. Пригов, Т. Кибиров). Тогда, как это ни парадоксально звучит, сам факт существования «римейков» есть, в сущности, такая же форма сопротивления хаосу, как и интеллектуальная, постмодернистская литература.

раченностью / обращенностью; описательностью / неописательностью; прагматичностью / проективностью; отнесенностью к определенному функциональному стилю.

На реализацию значений уверенности / неуверенности влияют метатекстовые персуазивные зачины / концовки типа: *Все может быть, Все это слухи / басни / выдумки* и т. д.

Персуазивные значения способны играть существенную роль в формировании семантического объема текста: можно условно выделить «диктумные» и «персуазивные» тексты (в последних субъективная информация преобладает над объективной).

Персуазивность обладает большим стилистическим потенциалом. Она играет важную роль в формировании образной канвы текста, осуществляя тем самым эстетическую функцию языка.

Персуазивность – прагматическая категория. Она играет важную роль в формировании и реализации коммуникативных намерений говорящего. Это грозное оружие воздействия на адресата при навязывании своей точки зрения. Иными словами, категория персуазивности – один из главных проводников регулятивной функции языка.

Все это позволяет утверждать, что персуазивность имеет текстовую природу.

Литература

1. Русский язык и его история. Программы кафедры русского языка / Под общей ред. М. Л. Ремневой. М., 1997.
2. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989.

О ритмической организации прозаического текста

И. П. Лапинская

Воронеж

Определения ритма, что даются в разных справочных изданиях, сходятся в одном: ритм – это всегда чередование соизмеримых и соотносимых единиц звучания, которое происходит в определенной последовательности. В прозаической речи выделяют, как правило, фрагменты с метрически пра-

вильным расположением словесных ударений и говорят в таком случае о ритмической прозе. Однако конкретный текстовый материал показывает, что такие «соизмеримые и соотносимые единицы звучания» оказываются соотносимыми и в аспекте семантики. Причем уровней соотнесения, как

правило, несколько. Рассмотрим ритмическую организацию прозаического текста на примере рассказа И. А. Бунина «Темные аллеи».

Содержательно значимые единства времени, места действия и действующих лиц позволяют выделить в тексте три композиционно сходных фрагмента. Их содержательно-структурная общность и троекратная повторяемость позволяет говорить о **ритмической организации композиции** текста «Темных аллей».

Еще одну ритмическую волну организуют полипредикативные построения – это чередование информации о динамике и статике описываемых предметов речи. В этом проявляется **ритм способов представления пространства и времени**.

Существующие в тексте полипредикативные структурно-семантические единства по-разному соотносятся с такими текстовыми единицами, как абзацы, что обнаруживает **рит-**

мический уровень абзацного членения текста. Как видим, авторское описание обладает упорядоченностью и периодичностью.

Как представляется, можно говорить о **ритме членения полипредикативных единиц на составные части**. Этот уровень ритма оказывается достаточно прихотливым на фоне указанных ранее, ибо он демонстрирует варианты принципиального неравенства частей во всех структурах, кроме инициальной.

Еще одна волна **ритмической организации текста** проявляется на уровне синтагм. Синтагматическое членение разбивает предложения на практически равные звучащие отрезки, включающие в среднем по 11 слогов и три словесных ударения. Правда, отрезки между ударными слогами не одинаковы. Поэтому считаем возможным говорить о **ритмизованной прозе на основе тонического стиха**.

Реализация конструкций с чужой речью в художественных текстах конца XX – начала XXI в.

О. В. Марьина

Барнаульский государственный педагогический университет

Конструкции с чужой речью, современный художественный текст

Summary. The author pays great attention to transformation of constructions with other people's speech in modern fiction (border of XX–XXI centuries).

В современной литературе конца XX – начала XXI в. наметилась трансформация конструкций с чужой речью. Обращает на себя внимание слабо выделяемая конструкция с прямой речью, при которой речевая деятельность персонажа «утрачивает самостоятельность и оказывается включенной в ситуацию речевой деятельности повествователя (рассказчика), что вызывает эффект снижения значимости речевой партии персонажа» [2].

Если речевые планы героев обычно четко отграничиваются друг от друга, то их отграничение от авторского речевого плана может быть выражено менее отчетливо (так называемая смешанная, несобственно-прямая речь).

Достаточно распространены в художественных текстах конца XX – начала XXI в. конструкции со свободной прямой (1) и косвенной (2) речью. Например: 1. *Семья – это святое, утверждал он, и Катя не могла с ним не соглашаться* (Л. Улицкая); *В городе гость просто так не заглянет, сначала позвонит по телефону: хочу, мол, вас навестить* (Т. Толстая). Ведущим признаком данных конструкций является семантический – эмоционально-экспрессивный характер высказывания. 2. *Один из самых тяжелых пациентов последнего времени, поступивший не планоно, а по травме, молодой милиционер, был прооперирован на редкость удачно, и с определенностью можно было сказать, что по крайней мере один глаз спасен* (Л. Улицкая); *Врачи говорили, что не восстановится, но ножка левая, пораженная, потихоньку стала укрепляться* (Л. Улицкая).

Самыми распространенными в современных художественных текстах являются конструкции с несобственно-прямой речью. Для них характерно одновременно и «самоустраненность» повествователя и взаимодействие в акте коммуникации повествователя и героя (героев). В изложении событий повествователь, рассказчик, герой (герои) участвуют как бы на равных. Например: *Марек, хитрая бестия, задал Мур очень удачный вопрос – о сталинской премии, некогда полученной классиком. И Мур пустилась в приятные воспоминания. Последний успех мужа совпал с новым взлетом Мур – целой обоймой ярких успехов на смежной ниве: бурный роман с тайным генералом, держащим весь литературный процесс в своем волосатом кулаке, шаши с мужниным секретарем, с мужем любимой подруги, каким-то биологическим академиком, и еще, и еще, и свидетельницей всему – насупленная дочь Анна с пуританской тоской в душе и с глубоким отчаянием, испытываемым из-за невозможности любить и неспособности не любить эту тонкую, нечеловечески красивую, всегда театрально разодетую женщину, которая приходится родной матерью* (Л. Улицкая). Создается положение, при котором речевые партии персонажей сменяют друг друга: речевая партия Анны – речевая партия Мур – речевая партия Анны. Речь собственно повествователя сводится к минимуму, от-

ходит на второй план. Создается впечатление, что канвой текста выступает именно несобственно-авторское повествование, в которое в свою очередь включается речь рассказчика-повествователя.

В современных художественных текстах появляются смешанные конструкции с чужой речью, в которых имеются признаки нескольких типов:

а) конструкции, совмещающие в себе признаки косвенной (тематической) и несобственно-прямой речи. Например: *Муж Ольги Михайловны говорит, что все это чушь собачья, тоже мне авторитет – газета «Труд», и что никаких пришельцев нет, а это все болиды* (Т. Толстая). В данном случае несобственно-прямая речь заключена в вводной конструкции. *Ольга Михайловна считает, что это естественно – испытывать к ней симпатию, она числится хорошенькой и, с точки зрения Дмитрия Ильича, еще совсем молодой* (Т. Толстая). Несобственно-прямая речь «накладывается» на речь косвенную;

б) конструкции, совмещающие в себе признаки прямой (свободной прямой), косвенной и несобственно-прямой речи: *Они стояли там, сухим пайком, вафлями и бутербродами с колбасой, и трусливо нас ненавидели, а я тебе сказал в самолете, разорвав губами твой секрет, когда ты говорила, ну не спи, ну поговори со мной хоть чуть-чуть, а от меня несло водкой и – от тебя, потому что мы с тобой ужасно много выпили водки, и я сказал еще на аэродроме командиру делегации, разорвав губами твой секрет, извещенному на всю страну священнику, другу Меня, который, впрочем, является порой большой властной женщиной-чемоданом, с золотыми застежками на груди, танцующей на перроне краковяк под народную музыку областных сфер, под заспанные морды танцовщиц в кокошниках, я сказал: доброе утро, батюшка! Спасибо, что взяли на Север! – и священник, с которым мы вместе дарили детям Каргополя крупу и ложки и обсуждали за ужином, как сделать из Каргополя православный Лас-Вегас духа, священник заметил: кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду, а помнишь, что я тебе сказал, когда ты мне сказала, не спи* (Виктор Ерофеев).

Появление в современных текстах конструкций, совмещающих в себе признаки нескольких типов чужой речи, связано, на наш взгляд, с интеграционным процессом, наблюдаемым в синтаксисе художественных текстов рубежа веков – синтаксическим слиянием (объединением) отрезков текста в так называемые «усложненные сложные предложения» [1].

Литература

1. Покровская Е. А. Русский синтаксис в XX веке. Ростов-на-Дону. 2001.
2. Чувакин А. А. Категория образа автора как инструмент интеграции художественного текста // Проблемы интеграционный лингвистики: автор – текст – адресат. Новосибирск. 2001.

Дискурсивно навязанная долженствованием немодальных синтаксисом

И. В. Недялков

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Прагматика, модальность, имплицитность, интерпретация

Summary. This paper analyses Russian constructions with indicative mood forms which acquire the deontic modality interpretation in texts of manipulative type (instructions, regulation documents, etc.).

Общая прагматическая доминанта текстов долженствованием-манипулятивного характера (инструкций, регулятивных документов и т. п.) может приводить к прагмасемантической реинтерпретации входящих в них конструкций, не выражающих вне долженствования контекста каких-либо модальных смыслов. В докладе рассматривается ряд русских конструкций, которые, будучи употреблены в тексте, представляющем собой Правила поведения детей в детском санатории, получают очевидную долженствованием-интерпретацию. Отметим, что эксплицитное выражение деонтической модальности в рассматриваемом тексте встречается только два раза («В тумбочках, шкафу **не должно быть** пищи, сладостей, фантиков, мусора» и «Процедуры, прогулки, ЛФК – строго **обязательны!**»). Общая регулятивная направленность рассматриваемого текста обеспечивается серией императивных форм второго лица единственного числа, употребленных в его начале («**Входи** на пост только в сменной обуви, **разденься** в гардеробе, обувь **поставь** на стеллаж, **закрой** гардероб на ключ, ключ **повесь** на место. **Поддерживай** порядок в палате»). В остальных случаях используются неимперативные синтаксемы, которые приводятся ниже в порядке их следования в тексте с указанием общего количества случаев их употребления (всего текст включает 39 конструкций):

1) глаголы местоположения в настоящем времени с подлежащим, обозначающим предмет одежды или гигиены (пять конструкций, например: «В тумбочке на верхней полке **лежат** предметы гигиены (зубная паста, щетка в чехле, мыло в мыльнице и др.)», «в шкафу на плечиках **висят** верхние вещи»);

2) конструкции с эллиптированным глаголом местоположения (два случая: «на нижней полке – школьные принадлежности», «грязное белье – в отдельном пакете на общей полке»);

3) причастно-результативные глагольные формы (шесть случаев: «на полке аккуратно **сложено** белье»; «кровать **убрана**»; «антресоли **закрыты**»; «пол **подметен**»; «пыль **вытерта**»; «форточка **открыта**»; интуитивно эти результативные конструкции не воспринимаются как результат преобразования соответствующих долженствованием-конструкций с эллипсисом форм «должно // должна // должен // должны быть»);

4) отрицательные конструкции с частицей «нет» (три случая: «Обуви в шкафу **нет!**»; в ином контексте это высказывание может интерпретироваться как выражающее удивление или разочарование при обнаружении неожиданного положения дел; «антресоли закрыты], на них ничего **нет**»; «На стульях **нет** одежды, портфелей»);

5) индикативные формы глагола в первом числе множественного числа (десять конструкций – наиболее частый тип, например: «Портфели **ставим** в шкаф»; «остальные работы **распределяем** между собой»; «Уборку **заканчиваем** в 8.30 утра»; «**Поддерживаем** порядок в течение дня»; «Сладкие передачи **храним** в буфетной, **берем** только в отведенное время»; «**Ожидаем** всех в холле. **Не пользуемся** косметикой, **не портим** имущества»; «На процедуры, в столовую, на прогулку **выходим** все вместе»);

6) эллиптические конструкции с неоднозначной глагольной интерпретацией (два случая: «[полотенца висят на спинках,] **подушка – уголком**»; «[кровать убрана,] **край покрывала – по белой полосе**»);

7) индикативная форма глагола в третьем лице единственного числа (одна конструкция: «Каждый **убирает** свои вещи»).

В докладе рассматривается взаимосвязь общей прагматической направленности перлокутивно маркированных текстов и синтаксических конструкций, получающих долженствованием-интерпретацию только в текстах рассмотренного типа.

Глаголы как метатекстовые операторы

Ф. Р. Одекова

Ставропольский государственный университет

Глаголы в системе метатекстовых операторов русского языка

Summary. This article deals with the problem of metawords determination. There is the classification of metawords operators in it. We examine verb-predicates with different semantics as one of explicit metaoperators used for exact understanding of text meaning.

В науке сейчас широко распространено понятие «метатекст». Оно возникло во второй половине XX века. В этот период такие языковеды, как А. А. Потеня, Р. О. Якобсон, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, занимавшиеся изучением текста в качестве конкретной знаковой системы, стали трактовать его как некую конструкцию, созданную кем-то для передачи другому или другим представлений о какой-то предметной области. Ю. М. Лотман, уделявший большое внимание проблеме «смысл – текст», особо подчеркивал коммуникативную функцию текста и говорил, что «текст выступает как техническая упаковка сообщения, в котором заинтересован получатель» [4]. Р. О. Якобсон в качестве одной из базисных функций успешной речевой коммуникации называл метатекстовую функцию.

В современной лингвистике понятие «метатекст» имеет множество определений и связано с понятием «метаязыка». В одной из своих работ Р. О. Якобсон писал: «Метаязык как часть языка вообще тоже является структурным образованием, не имеющим аналогов в других языковых системах» [6]. Традиционно под метатекстом понимают высказывание о высказывании (основном тексте), образующее так называемый второй текст с вербализованным прагматическим содержанием. Мы остановимся на определении, данном С. В. Лосевой в диссертации «Частицы в системе метатекстовых операторов»: «Метатекст – функционально-семантическая

категория текста, означающая присутствие говорящего в тексте, имеющего цель передачи авторского отношения к языковому коду своего высказывания (речевого произведения)» [3].

С разграничением естественного языка и метаязыка как «языка второго порядка» связано выделение метатекста в тексте. Для обозначения условной единицы метаязыка А. Вежицкая вводит термин «метатекстовый оператор» [1]. Им может быть любой компонент текста, выполняющий метатекстовую функцию, которая «в каждом частном случае конкретизируется, соотносится с разными элементами прагматического содержания: с интенцией адресанта высказывания или с его адресатом; с фактом развертывания текста или его восприятия; со способом оформления текста или конвенцией об особенностях контекстуального употребления его элементов» [5].

Существует специальный набор средств выражения метатекстовых операторов: вербальные и графические. Вербальные средства включают две крупные группы: группу эксплицитных средств – метаплеоназмы (глаголы, существительные, предлоги), так как они содержат сему «говорить» в своем значении; и группу имплицитных средств, в которую войдут все остальные метатекстовые операторы.

Метаграфические средства невербальные знаки, которые наряду с вербальными участвуют в смысловой организации

текста. К их числу относят абзацный отступ, кавычки, шрифтовые выделения, нумерацию и маркеры, вставки (тире, скобки, запятые).

Одним из эксплицитных метатекстовых операторов являются глаголы. Основываясь на типах совмещения схем, мы можем дать следующую классификацию полусвязочных глаголов-предикатов:

1) оценка или квалификация субъекта высказывания «со стороны третьих лиц»: «они считают, что она слишком шустр и называют ее нигилистской» (ЛГ. 2006. № 5. С. 4); «...они не имеют за собой истории, они считают, что все началось с них, все остальное ровным счетом ничего, нуль» (ЛГ. 2005. № 36. С. 3);

2) оценка или квалификация субъекта высказывания им самим: «...недаром создатель водородной бомбы сделался диссидентом номер один» (ЛГ. 2006. № 5. С. 4);

3) оценка или квалификация субъекта высказывания субъектом речи, говорящим: «Он из тех, кто свое врачебное дело делает независимо от денежной благодарности пациента» (ЛГ. 2006. № 5. С. 5);

4) фазовые глаголы (*становится, делается*) и семантические объединения вспомогательного глагола *быть* (*перестает, продолжает быть*): «Те, кто стал нашими лауреатами, – наш актив, наша опора, мы уверенно с ними сотрудничаем и будем продолжать это делать и в наступающем году» (ЛГ. 2006. № 5. С. 6); «К сожалению, негативное отношение к своей стране стало привычным стереотипом, устоявшимся у нас в последние десятилетия» (ЛГ. 2006. № 5. С. 3);

5) глаголы *говорить, рассказывать, подчеркнуть* (в *высказывании*), *изложить, называть, согласиться, уточнить, оговориться* и т. п. образуют предикативный центр высказывания, который имеет целью описание акта воспроизведения речевого произведения как факта действительности: «В порядке реванша я и излагаю еще кое-что, о чем я Юрию Поликарповичу при его жизни не поведал» (ЛГ. 2006. № 5. С. 8).

Итак, мы рассмотрели глаголы как метатекстовые операторы, поскольку глаголы, как и другие средства метатекста, служат экспликации процесса контроля говорящим над использованием средств языка. Для создания положительного результата в достижении цели точного понимания смысла, передаваемого говорящим, используются глаголы различной семантики.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 402–421.
2. Литературная газета. 2006. № 5; 2005. № 36.
3. *Лосева С. В.* Частицы в системе метатекстовых операторов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 23 с.
4. *Лотман Ю. М.* Три функции текста // Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 11–22.
5. *Шаймиев В. А.* Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте (на материале лингвистических текстов) // Русский текст. Русско-американский журнал по русской филологии. N 4. Санкт-Петербург; Лоуренс; Дэрел, 1996. С. 80–92.
6. *Якобсон Р. О.* Речевая коммуникация // Избранные работы. М., 1985. С. 306–18.

Грамматика точки зрения и падеж (к проблеме «выбора падежа»)

Н. К. Онипенко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Грамматика русского языка, синтаксис, семантика, прагматика, грамматический анализ текста, коммуникативная грамматика русского языка

Summary. In the report «the change of priorities» in the modern linguistics will be discussed. It concerns the linguistic phenomena that used to be described in terms of linguistic semantics; now they are to be regarded as pragmatic phenomena. In other words, the linguists have accepted the idea that in case that one of the number of language units to be chosen, the problem should be solved in connection with the figure of Observer.

1. На современном этапе развития русистики многие лингвистические объекты интерпретируются в связи с точкой зрения говорящего. Это касается и морфологических категорий (например, вида, времени и лица глагола), и синтаксических конструкций (например, односоставных предложений), и текстовых фрагментов.

2. Точка зрения говорящего в разных лингвистических концепциях применительно к разным грамматическим объектам терминологически обозначается по-разному: как тип модуса, как категория эвиденциальности, как фокус эмпатии, как рамка наблюдателя, как коммуникативный регистр речи.

3. Коммуникативный регистр речи (термин принятый в рамках концепции коммуникативной грамматики) – результат **модусного** согласования значимых единиц разных уровней (от морфемного до синтаксического), поэтому понятие коммуникативного регистра позволяет интерпретировать и те объекты, для которых обычно используют другие термины (например, актуально-длительное значение несовершенного вида – это результат функционирования акционального глагола в рамках репродуктивного регистра).

4. Коммуникативные регистры речи имеют непосредственное отношение к коммуникативным категориям предложения, в том числе к предикативным категориям модальности, времени и лица, а также к категории вида. Но и именным категориям небезразличны к точке зрения говорящего. А. Б. Пеньковский предложил интерпретировать формы множественного числа в связи с категорией чуждости. Современная интерпретация именительного и родительного при отрицании также включает позицию говорящего (см., например, последние статьи Борщева и Б. Парты, статьи Е. В. Падучевой).

5. Именные категории, в частности, категория падежа соотносится с точкой зрения говорящего через синтаксическую конструкцию, которая, в свою очередь, характеризуется определенными функционально-текстовыми (регистровыми) возможностями. Это означает, что «выбор» падежной формы соединяет категориальную семантику компонентов модели предложения и текстовые условия функционирования конкретной синтаксической конструкции, в рамках которой употребляется именная падежная синтаксема.

6. В докладе будут рассмотрены именные синтаксемы, функционирование которых обусловлено точкой зрения говорящего.

Вариативность как один из принципов композиционного построения текста

Н. В. Панченко

Алтайский государственный университет, Барнаул

Композиция, принципы композиционного построения, вариативность, вариант композиционного построения текста, множественность

Summary. The article deals with different approaches of the text structure: a rhetorical one, an approach based on the author's / reader's position, a semiotic approach. Composition structure of the text is also treated as a model of multiple variety of the text structure.

На недостаточную разработанность проблем композиции указывают многие исследователи (М. Л. Гаспаров, Л. Г. Кайда, В. В. Одинцов, и др.). Эта нерешенность, как представляется, продиктована отсутствием единства в описании композиционной структуры текста. Основной пафос пред-

ставления композиции – это стереотипность последней (начиная с классической риторической диспозиции и заканчивая современными структуральными представлениями), в результате чего само понятие «композиция» сегодня во многом переросло себя, перестало быть осязаемым.

Риторика (от античных трактатов до современных учебников) устанавливает «школьный» взгляд на композицию, предполагающий однозначное применение правил построения текста. Однако наличие правил композиционного расположения и соположения элементов текста, описание этих правил еще не есть описание самой композиции. Вопрос, который должен быть поставлен в рамках современной теории композиции, это вопрос о принципах композиционного построения текста. Традиционно в качестве таких принципов рассматривались порционность, соразмерность частей, целостность, функциональная спецификация. Современная текстовая реальность не может быть адекватно описана на основе традиционных принципов и требует такого подхода, который бы отражал гибкость и пластичность текстообразования и позволял распространить его на объяснение композиционной организации текстов как классического, так и неклассического типа. Это выдвигает такие принципы текстовой организации, как динамичность, вариативность, множественность.

Западное литературоведение, эстетика и критика с 60-х годов прошлого века утвердили идею открытого произведения, произведения в движении. Однако лингвистическая наука до сих пор не дала удовлетворительного объяснения этим теоретическим идеям, исходя из материала текста, его языка и / или языков.

Представление о композиции текста как динамическом образовании базируется на идеях, высказанных русской формальной школой (Ю. Н. Тынянов), содержащихся в трудах В. В. Виноградова, русских структуралистов (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский), положениях стилистики текста (В. В. Одинцов, Л. Г. Кайда). Однако до сих пор не сформировалось четкого представления о принципах «развертывания словесных рядов» в пространстве целого текста. Всякая попытка зафиксировать динамическую организацию текста, как правило, превращает последний в статическое явление. Одна из причин этого, как представляется, заключается в том, что не учитываются другие принципы композиционного построения текста, в частности принцип вариативности.

Вариативность предстает как дискурсивная трансформация текста, реализующаяся в вариантах композиционного построения текста, актуализирующихся в дискурсе, в реальном общении. Инкорпорирование адресата и адресанта в текстовое пространство превращает текст в поле постоянно совершающейся коммуникации, где точками отсчета являются актуализаторы композиционного построения (единицы композиции текста), которые трансформируют его структуру всякий раз, как оказываются в ситуации актуализации. При этом все многообразие композиционных построений, потенциально имеющих в тексте, не сводимо к одному центральному. Другими словами, нельзя найти инвариант композиционного построения текста, по отношению к которому другие варианты выступили бы его модификациями. Вариативность и множественность заложены в самой текстовой организации. Каждый актуализатор образует свой композиционный вариант, находящийся с другими в постоянной конкуренции, когда невозможно сделать

выбор в пользу одного из них, построить какую бы то ни было иерархию.

Вариативность композиционного построения текста обусловливается и наличием нескольких стратегий, с помощью которых автор / читатель композиционного выстраивают текст: референциальная, метатекстовая, телеологическая, экузивная, конативная. Современные тексты принципиально направлены на создание вариантов композиционного построения. Так, рассказ Л. Улицкой «Счастливые» может быть прочитан как минимум с нескольких телеологических позиций: Берта и Матиас были счастливы в течение восьми лет, когда они жили вдвоем с сыном; Берта и Матиас счастливы в течение всей размеренной и неизменяемой жизни, несчастьем является любое потрясение – известие о беременности и известие о смерти сына; счастлива только Берта; счастливы только мертвые и т. д. Количество вариантов телеологической организации текста можно продолжить – основное направление состоит в поиске ответа на вопрос, кто является счастливым.

Актуализировать вариант композиционного построения текста может метатекстовый элемент, в качестве которого выступает текст другого вида искусства или другой литературный текст. Например, рассказ Т. Толстой «Река Оккервиль» структурируется сразу несколькими метатекстовыми актуализаторами: начало рассказа одновременно входит в текстовое пространство данного рассказа и «Медного всадника» Пушкина, описание реальной Веры Васильевны ассоциируется с описанием старухи из «Пиковой дамы», значимым является и дермонтовский текст.

Целостное композиционное развертывание осуществляется в пределах одного композиционного варианта. Количество вариантов всегда больше одного, при этом варианты не существуют параллельно, независимо друг от друга, а взаимопроникают, переплетаются и переходят один в другой. Вычленение композиционных вариантов не означает изолированного их существования. Они не отделяются от процессов соположения и соприкосновения, в ходе которых отдельные части композиционных вариантов «просвечивают» друг в друге, что ведет к появлению новых аспектов смысла. При перетекании одного композиционного варианта в другой размываются границы между ними, и это порождает новые трансформации как правого, так и левого композиционного варианта. Это создает эффект «рассеивания» текста, ощущение его недосказанности, незавершенности, отсутствия единства в его организации.

Однако особенность современного текста состоит в том, что нельзя свести все варианты композиционного построения вместе, соотнести их, отвергнуть нерелевантные и выбрать наиболее соответствующий художественному заданию данного текста. Каждый из заданных вариантов имеет право на существование. Одной из причин такой множественности может быть отсутствие авторской аксиологически обозначенной позиции, которая была характерна для классического текста. Читатель вправе сам выбрать вариант организации текста в зависимости от его изначальной целевой установки.

О влиянии невербальной вторичной коммуникативной системы на вербальную

Н. П. Перфильева

ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Пунктуация, метатекст, языковая личность, рефлексия, вербализация

Summary. The article is dedicated to the metatextual function of punctuation and the metatextual operators, which are implicate and explicit, punctual and verbal. The author of the article analyses the relations between them in the pragmatic and textual aspects. An addresser sometimes uses the punctuation with the metatextual verbal operator in the speech. But sometimes the punctuation is verbalized in the metatextual elements or phrases.

Письмо как вид деятельности занимает в жизни грамотного человека существенное место. Часто языковая личность, имеющая, по крайней мере, законченное среднее образование, вступая в речевую коммуникацию, находится под влиянием письменного текста. На порождение высказывания оказывает влияние образ письменного текста в сознании Говорящего: как сам феномен текста, так и особая семиотическая система внеалфавитных знаков, которую выработало человечество для членения и графической организации текста, для реализации коммуникативного замысла Говорящего: точного соответствия мысли пишущего и плана ее выражения, обеспечения гармоничного диалога. В речи образованных людей

встречаются явления, сигнализирующие об устойчивом влиянии пунктуации, на первичную коммуникативную систему, то есть язык. В плане концептуального анализа знаки препинания не исследованы и представляют интерес. Образ точки, многоточия отражены во фразеологизмах *поставить точку* и *поставить многоточие* (вспоминается финал кинофильма «Весна на Заречной улице»). Отношения вербальных и пунктуационных метапоказателей позволяют осознать факт взаимодействия лексической и пунктуационной систем, в том числе и влияния последней на первую.

Рефлексия Говорящего относительно собственной речевой деятельности (иначе говоря, метатекст), оформленная

средствами разных семиотических систем, может быть развернутой в тексте в разной степени, эксплицитной и имплицитной. Эксплицитными являются вербальные средства выражения метатекста, включающие в свой состав метавысказывания и метаземанты, но степень экспликации информации может быть разной (ср. метаземант *итак* и метавысказывания: *Подведем итоги, Мы пришли к следующим выводам*). Устная и письменная формы общения различаются репертуаром невербальных метапоказателей, которые употребляются в коммуникации самостоятельно или в сочетании вербальными: просодические, кинетические пунктуационные (графические, пространственно-композиционные, цвето-световые, анимационные). Все они относятся к **имплицитным маркерам**, поскольку выражают лишь «намеки» на рефлексивность.

Метатекстовой функцией знака препинания будем считать указание на рефлексивность пишущего относительно места слова или предложения в высказывании, формальной, в том числе и композиционной, организации текста, относительно семантико-прагматических особенностей слова или языкового выражения. Метатекстовая функция, проявляющаяся в двух частных функциях: актуализационной («выделяю самое важное») и метаязыковой («указываю на рефлексивность относительно употребляемого кода в семасиологическом, стилистическом, лексикологическом планах»), свойственна не всем знакам препинания и потому является частной коммуникативно-прагматической. Так, употребление кавычек может быть обусловлено прагматическими интенциями автора: заботой о собственном имидже как о языковой личности, осуществляющей контроль при переходе с одного регистра на другой (стиль, вариант национального языка), и одновременно стремлением к гармоничному диалогу с адресатом пуристского типа: *Группа провела кинопробы, утвердила актерский состав, была выбрана натура, а потом произошло предательство. Причем «кинули» нас как-то особенно неинтеллигентно, как-то особенно мерзко* (Э. Рязанов).

Вербальные средства часто вводятся для того, чтобы эксплицитно выразить смысл, который пишущий может выразить с помощью графических значков, и тем снять возможную неоднозначность порождаемого высказывания. Адресант комбинирует метапоказатели разных семиотических систем, дополняющие друг друга, для продуктивной организации текста или обеспечения гармоничного общения. Вербальные метаземанты часто сопровождают кавычки, выполняющие метаязыковую функцию, то есть указывающие на введение семасиологической информации – «употребляю слово в непрямом или непривычном значении» (*образно выражаясь / фигурально говоря, в метафорическом значении слова, в переносном значении слова, в высоком смысле слова, в худшем смысле слова, в отрицательном смысле, в ироническом смысле слова*), например: *Только то была не «тарелка» в привычном понимании слова, а сигарообразное тело серебристого цвета* (Труд. 2003. № 82); *Многие революции прославились тем, что славили себя. Но только одна удостоилась эпитета «славная». Скорее, в ироническом смысле, поскольку это был обычный государственный переворот, которому очень хотелось выглядеть революцией* (Труд. 2003. № 234). В некоторых случаях Адресант интерпретирует выражение в кавычках с помощью вербального метапоказателя, поскольку оно принадлежит не литературному языку, а другой подсистеме национального языка, например: *В футболе есть такое жаргонное словечко «отскочиши»* (Изв. 2004. № 38); *И это чувство стеснительной неловкости долгое время разделяют с ним все первокурсники, именуемые на юнкерском языке «фараонами»* (А. Куприн). Сопровождение кавычек вербальными метапоказателями можно объяснить тем, что адресант осозна-

ет, что испытываемые читателем трудности при декодировании высказывания с опорой только на собственно пунктуационные маркеры метатекста обусловлены полифункциональностью многих знаков препинания и достаточностью / недостаточностью пресуппозитивной базы Адресата, например: *Один из персонажей называет театр «бульваром преступлений», – я условно беру слово «преступление» в кавычки, так как в пьесе речь идет о распространенных сюжетах XIX века* (Новая Сибирь. 2002. № 49); *Уже перед Кубком «Балтики» Тихонов предпочел не спрашивать, а «договариваться». Слово это не зря взято в кавычки, потому что, «договариваясь», Тихонов отступал, отступал и отступал* (Спорт-экспресс. 2004. № 30).

Однако автор иногда сочетает кавычки и вербальные метапоказатели в одном предложении в соответствии с принципом целесообразности, чтобы не было переизбытка какого-либо вида метасредств, например: *Коктейль-холл – место тусовки, как сказали бы сейчас, «золотой» молодежи, «плесени», как написала в одном из фельетонов о первых стилягах «Комсомольская правда»* (Труд. 2003. № 96).

Влияние пунктуации на вербальную систему эксплицируется в выражениях: *это в скобках, заметим в скобках, в скобках приходится говорить, напомню в скобках*. И в этом случае автор в письменном тексте иногда дублирует двумя способами информацию о нарушении линейных отношений в тексте, например: *Тогдашний советский зритель стойко переживал разлуку, терпеливо питал надежду и был неизменно расположен к новому свиданию с Орловой. (Заметим в скобках, что ни одна зарубежная звезда не уцелела бы при таких паузах: Орлова снималась всего раз в два-три года, хотя нормально – в соответствии с ее спросом – было бы сниматься дважды в год.)* (Изв. 2002. № 26). Иногда линейно-деструктивные отношения отражаются только вербально, например: *Я считаю вершинными произведения Айтматова (разумеется, на сегодня!) «Проция, Гильсары!» и «Белый пароход», две совершенно не похожие повести, появившиеся тем не менее одна за другой в 1966 и 1970 годах. Напомню в скобках, что в эти же годы появились первые повести Распутина – «Деньги для Марши» и «Последний срок», шедевры, которые рядом с названными двумя шедеврами Айтматова являются подлинными вершинами советской прозы* (Сов. Культура. 1990. № 5). Последнее часто встречается в устной форме научной речи – в докладах (например, доклад Н. А. Лукьяновой на Пятых Филологических чтениях в Новосибирске). Процесс взаимодействия устной и письменной форм существования текста отражен в контексте: *Он проследил шаг за шагом хозяйственную политику времен Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева. Красной нитью проходила эта забота, даже при нэпе. При нэпе-то она особенно бросалась в глаза. Как только народ начинает поправляться – весь или в какой-то части, – тут же следует раскулачивание. В скобках приходится говорить, что сейчас сюда можно было бы добавить и время Горбачева: начиналось таким погромом частных тепличек от моря и до моря, который займет не последнее место в ряду исторических свершений, а заканчивается полным развалом внутреннего рынка* (А. Стреляный). Образ скобок отражается в языковой системе и проецируется уже не на сам феномен текста, на наш взгляд формируются фразеологизмы *оставаться за скобками*, например: *Позволю себе оставить за скобками жизненные потери Джорджа – ни столь же очевидны, сколь и невозвратимы* (П. Черкасов). Регулярно использует метавысказывание *Это в скобках* в повести «Контрабас» П. Зюскинд, что свидетельствует, что исследуемое явление свойственно языку вообще, а не только какому-то одному конкретному.

Диалогический повтор в системе средств организации речевого взаимодействия

А. В. Плотникова

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Устная коммуникация, система средств, метакоммуникативный сигнал, диалогический повтор, структурирование дискурса, гармонизация и дисгармонизация

Summary. This report is devoted to discursive functions of repetitions in colloquial speech.

Речевая коммуникация вряд ли может состояться исключительно на основе единиц информативной зоны, первич-

ной функцией которых является формирование и передача диктумного, номинативного содержания (так называемой

фактуальной информации). В коммуникативном процессе выделяются две вспомогательные зоны по отношению к основной – информативной: коммуникативно-регулятивная и дискурсивно-структурирующая [1, 357].

В устно продуцируемой речи особенное назначение имеют единицы названных вспомогательных зон, к которым принадлежит и универсальное для разных языков речевое явление диалогического повтора.

Диалогический повтор, представляющий собой речевую реакцию одного коммуниканта на высказывание другого, исследуется нами на материале разговорно-бытового дискурса и речи социально-профессиональных групп (в частности, юридического и медицинского дискурса).

В нашем исследовании принято следующее определение явления повтора: диалогические повторы – это реактивные реплики диалогического единства, опирающиеся на лексико-грамматические составы реплик-стимулов и поэтому формально синсемантические; выражающие модусные и в какой-то степени диктумные смыслы, «отраженные» от реплик-стимулов; выполняющие коммуникативно-регулятивные и дискурсивно-структурирующие функции [1, 357].

Исследование большого фактического материала диалогического повтора с точки зрения его лексико-грамматической организации показало, что в формальном плане повтор опирается на любые единицы речевой коммуникации.

1. В основе диалогического повтора – предикативная единица: А. – *Солнышко выглянуло!* Б. – *Солнышко выглянуло? Ура!*

2. В основе повтора – коммуникатив: А. – *Зачем ты до мной поедешь / приезжай сразу туда!* Б. – *А за пьем?* А. – *А-а...* Б. – *А-а! Бэ-э!*

3. В основе повтора – метаоператор: А. – *Во-первых мне некогда было!* Б. – *Во-первых!* А. – *Во-вторых?* А. – *Мам! ну неохота мне!*

Нами разработана коммуникативно-функциональная классификация диалогического повтора на материале разговорной речи (см. [1]). В ее рамках выделены четыре функциональных типа повтора: диалогический повтор как средство осуществления коммуникативной поддержки, повтор как показатель коммуникативных затруднений, повтор как средство речевой самоорганизации и повтор-экспрессив.

Таким образом, повтор выступает как средство, организующее устный дискурс и обеспечивающее его интегративность. При этом повтор характеризуется **двойкой функциональной направленностью**: дискурсивной и регулятивной. Дискурсивная направленность повтора обеспечивает организацию структуры дискурса и диалогического единства: диалогический повтор осуществляет скрепление реплик

диалогического единства (это сближает его с лексическим повтором в монологических текстах, обеспечивающим межфразовую связь); влияет на организацию речевой партии собеседника и обеспечивает организацию собственной речевой партии.

Регулятивная направленность повтора обеспечивает контроль речевого взаимодействия: поддержание контакта, оформление этапов интеракции. При этом диалогический повтор влияет на ход коммуникации – ее развитие или приостановку, а также на регуляцию межличностных отношений.

Функционирование диалогического повтора в системе средств организации и структурирования диалогического дискурса обусловлено речеоорганизующими задачами – такими, как выражение эмоциональной реакции на высказывание собеседника, осуществление функции воздействия на собеседника, а также ориентация на кооперативность речевого взаимодействия и стремление к гармонизации общения.

Диалогический повтор в речевой коммуникации осуществляет передачу так называемого метаинформационного знания, необходимого для успешного осуществления дискурса. Установлено, что метаинформационное знание универсально для разных языковых систем, и в каждом языке существует собственный набор средств для его передачи ([3]).

Исследование повтора наряду с другими единицами речевой коммуникации, регулирующими и гармонизирующими диалогическое общение, позволяет разработать основы технологий толерантного коммуникативного взаимодействия, формировать коммуникативную компетенцию при обучении русскому языку как родному и как иностранному. Перспективы нашего исследования мы связываем с дальнейшим описанием и систематизацией речевых интенций, реализуемых диалогическим повтором, которые внесут вклад в работу над созданием нового типа интенционально-коммуникативных словарей русской речи ([2, 266]).

Литература

1. Андреева С. В., Плотникова А. В. Дискурсивный повтор в системе средств устной коммуникации // Русский язык и славистика в наши дни: Материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения Н. А. Кондрашова. М., 2004. С. 352–358.
2. Галлямова Н. Ш. Лингводидактическая интерпретация категории «условия успешной коммуникации» // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: Сб. науч. статей. Ч. 2. СПб., 2006. С. 259–267.
3. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.
4. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Смыслообразующий потенциал концепта в научном тексте

С. В. Ракитина

Волгоградский государственный педагогический университет

Научный концепт, научный текст, научное речемышление, концептуальная система адресанта и адресата

Summary. In the report concept is viewed as the meaning-producing source of a scientific text assisting in comprehending mechanisms of structuring of such information produced and perceived, which reflects scientist's cognitive experience and knowledge of objective and imaginary worlds.

Основополагающим понятием при когнитивно-дискурсивном подходе к изучению научного текста является «концепт». Хотя проблема описания концепта в когнитивной лингвистике представлена достаточно широко, для теории научного текста она продолжает оставаться открытой. Обсуждение данного феномена в структуре научного текста может проводиться с позиций различных подходов. Нас же интересует концепт как смыслопорождающий источник научного текста. В соответствии с такой установкой концепт рассматривается как мыслительное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода ([1, 269]); смысловое образование, представляющее собой базисную структуру когнитивного знания ([9, 241]); ментальные репрезентации, определяющие, как вещи связаны между собой и как они категоризируются ([2, 16]); оперативная единица памяти, ментального лексикона, элемент концептуальной системы, языка мозга, картина мира, квант знания ([7, 90–92]); конструкт сознания индивида ([8, 282]); идеальные, абстрактные еди-

ницы, смыслы, отражающие содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результатов познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания ([3, 23–24]); некоторая базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл с употребляемым словом, содержательная единица процесса концептуализации, посредством которого действительность преломляется в голове человека ([5, 99]).

Сопоставление категориального содержания концепта и научного текста показывает, что концепт в нем находится в более «близких» генетических отношениях с понятием, чем другие мыслительные структуры; отождествляется со «смыслами», которыми оперирует человек в процессе интеллектуального освоения мира; носит идеальный характер, хотя и является результатом отражения действительности в сознании человека, формируется в процессе накопления информации об объективной и воображаемой действительности, участвует в передаче информации. Хотя научный концепт соотносят с понятием, он в зависимости от особенностей

научного рече-мышления приобретает свою специфику. Изменным значением термина *концепт*, характеризующим его основным признаком, является сема «незавершенность», содержащая «идею зачаточной истины» [4, 45]. В этом отношении в отличие от концепта понятия относительно завершены, они формируются, являются результатом обобщений на определенном этапе познавательной деятельности. Концепт же – оперативная единица, которая не содержит обобщающего значения, и при функционировании в конкретной ситуации проявляет актуальные для нее признаки.

С учетом того, что каждый язык эквивалентен определенной системе концептов, посредством которой ученый, автор научного текста, мыслит, воспринимает, выделяет, сравнивает, обобщает, структурирует, классифицирует и интерпретирует информацию о действительности, концепт в научном тексте, выступая единицей такой системы, рассматривается как основа формирования его смыслового содержания.

Причем концептуальная система ученого, представляя собой динамическое образование, находящееся в постоянном развитии, оперативной подвижности, включает его знания о мире (научные знания), организованные с помощью концептов, и постоянно преобразуется под влиянием приходящей извне информации, а также в результате ее усвоения и переработки ([10, 169]). В конкретном научном тексте устанавливается определенная последовательность предъявления концептов, соответствующая его смысловому содержанию с учетом признаков, отражающих специфическое видение мира представителями данной области знания, данного научного направления. Поскольку научный текст создается с целью передачи информации, порождаемой в условиях коммуникативного акта, осуществление ее можно рассматривать как средство обмена концептами в процессе общения, средство взаимодействия концептуальных систем адресанта и адресата, которые непрерывно конструируются, изменяются, пополняются. Концептуальная система адресанта при этом направлена на познание, участвует в порождении текста; в ней определяются цели, задачи, отношение к излагаемой информации, проводится ориентация на предполагаемого адресата при отборе концептов, понятий, построении текста и т. д. Концептуальная система адресата связана с пониманием передаваемой информации как на основе вербализованных концептов, так и смыслов, вытекающих из общих пресуппозиций, т. е. реализуется она в процессе интер-

претации текста, постижения коммуникативных интенций, целей, содержания излагаемой в тексте научной информации и т. д. Такое взаимодействие концептуальных систем считается успешным, если адресант достиг перлокутивного эффекта, а адресат освоил исходное смысловое пространство и интенции автора.

Таким образом, концепт служит объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и информационной структуры, которая включает знания, опыт, выступает содержательной единицей памяти, картины мира, отраженной в человеческой психике. На материале анализа текстов произведений В. И. Вернадского в сообщении нами будет продемонстрировано, какую роль в процессе смыслопорождения текста, раскрытия научной концепции играет концепт, рассматриваемый не только как «глубинный смысл», «свернутая смысловая структура», «отправной момент при порождении текста» [6, 213–215], но и с позиций того, как взаимосвязь и взаимовлияние концептов, образующих целостную систему, обеспечивают реализацию в тексте определенной научной информации, как в содержании научного концепта проявляется наряду с коллективным научным опытом, индивидуальное представление автора (ученого) об осваиваемых объектах, явлениях действительности.

Литература

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267–279.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 104 с.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000. 123.
4. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–46.
5. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 2000. 382 с.
6. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М., 2001. 270 с.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.
8. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. М., 1997. С. 280–287.
9. Павелёнок Р. И. Язык. Смысл. Понимание. // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиотический анализ. Вильнюс, 1986. 240–261.
10. Роль человеческого фактора в языке.: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1988. 216 с.

«Запросы об истинности» и их контактоподдерживающие возможности

Е. А. Савина

Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского
Фатическая целеустановка поддержания контакта, конструкции – запросы об истинности, семантические и регистровые особенности конструкций

Summary. The point under consideration is the communicative meaning of some of constructions made as questions about the truth-value of the previous statement (such as *Правда?* in Russian or *Really?* in English) which actually mean not incredulity but support; thereby they fulfill the phatic function. Within this function, their usage and some aspects of communicative meaning differ; they are not the same even in the lexically complete and shortened constructions with the same key-word. The formally identical constructions in different languages are also not equivalent.

Поддержание контакта – фатическая целеустановка, которая реализуется через использование конструкций, изначально принадлежащих к различным вариативным рядам: согласия, уяснения, оценки, удивления, недоверия и т. п. В этом докладе мы остановимся на группе конструкций, которые можно назвать «запросами об истинности».

Конструкции, формально построенные как вопрос к собеседнику об истинности его высказывания, активно употребляются в диалоге в позиции реакции на сообщение. В русском языке это конструкции с ИК-3 *Да?*, *Правда?*, *В самом деле?*, *Точно?* и некоторые другие. Иногда они выражают сомнение в истинности сказанного, но для некоторых из них более обычно и характерно употребление в фатической, контактоподдерживающей функции: они сигнализируют собеседнику о принятии его сообщения, о том, что его содержание оказалось новым для говорящего, и выражают или имитируют интерес к сообщению.

Преимущественно фатическую функцию выполняют в русском языке конструкции *Да?*, *Правда?*, *В самом деле?*, *Вот как?*, *Серьезно?*, *Ты / вы (так) думаешь / те?*. При этом они

различаются между собой, во-первых, наличием / отсутствием и характером ограничений на тип реплики-стимула (так, первая употребляется наиболее широко, в ответ на максимально разнообразные стимулы, последняя – только как реакция на мнение, а *Вот как?* и *Серьезно?*, наоборот, как реакция на сообщение о факте). Во-вторых, они отличаются друг от друга оттенками значения, связанными в первую очередь с разными актуализируемыми аспектами понятия истинности. В-третьих, они используются в разных регистрах общения (от близкого, интимного у *Правда?* и *Серьезно?* до отстраненного, дистанцированного у *В самом деле?* и *Вот как?*).

Рассмотрим отличительные особенности конструкции *Правда?* Как показывает наш материал, она актуализирует понятие истинности через параметр искренности (открытости, доверия), который ИК-3, маркирующая ориентацию на собеседника, относит к собеседнику. Общее значение конструкции *Правда?* как реакции на сообщение можно определить так: «хотя у меня могут быть некоторые основания сомневаться в истинности сказанного, я доверяю твоей искренности и потому готов отбросить их и принять твое вы-

сказывание'. Она используется достаточно широко, но преимущественно в ответ на высказывания, содержащие информацию, бенефактивную для говорящего, выражая (или вводя конструкции, которые эксплицитно выражают) положительные эмоции говорящего – радость, удовольствие, удовлетворение; в том числе – в ответ на высказывания, содержащие прямое или косвенное выражение добрых чувств собеседника по отношению к говорящему (похвалу, комплимент, признание в любви и т. п.). Значение сомнения в истинности сказанного реализуется здесь как легкий фонетический оттенок этикетного самоуничижения (точнее, скромности) говорящего, который как будто не до конца верит в то, что ситуация настолько бенефактивна, как бы боится спугнуть неожиданную радость. Конструкция *Правда?* маркирована интимным регистром общения и указывает на близкие (опять же доверительные, открытые) отношения между коммуникантами. Частое использование этой конструкции, ее индивидуальное предпочтение перед другими создает эффект особого обаяния говорящего, впечатления, будто он относится к собеседнику как к человеку, неспособному обмануть или обидеть его. Так, ее активно использует А. Мягков в образе Жени в х / ф «Ирония судьбы», в том числе и там, где это не предусмотрено сценарием (например: – *Молодец, что пришел. – Правда? Спасибо.*)

Но такое употребление присуще только конкретной, клишированной конструкции, лексическое раскрытие разрушает ее и все эти семантические и регистровые особенности теряются: конструкция *Это правда?* представляет собой уже не фатическую реплику интереса к информации, а собственно вопрос об истинности высказывания, который может быть задан не только автору высказывания, но и третьему лицу, если оно владеет этой информацией. Предикативное *правда* здесь означает просто 'соответствует дей-

ствительности' и является средством номинативного, а не коммуникативного уровня – употребляется в своем прямом лексическом значении и не подвергается коммуникативному переосмыслению.

Использование клишированных конструкций – «запросов об истинности» в контактоподдерживающей функции не является спецификой русского языка: ср. нем. *Ach so?*, фр. *Vraiment?*, англ. *Really?*, *Is it?*, *Indeed?* и др. Однако точного соответствия в значении и употреблении между формально тождественными конструкциями в разных языках нет: так, русская конструкция *Ах так?*, формально идентичная немецкой *Ach so?*, чаще выражает угрозу, возмущение, гнев, чем нейтральное выяснение информации и интерес, и даже в последнем случае маркирует немедленный переход говорящего к практическим действиям – следствиям сказанного, в то время как немецкая побуждает собеседника продолжать. Английская *Really?* могла бы буквально переводиться как *Действительно?*, но эта конструкция (с ИК-3, как «запрос об истинности») едва ли способна использоваться в фатической функции из-за параметра объективности, который дает здесь оттенок пренебрежения к позиции говорящего. (Конструкции со словом *действительно* активно используются в контактоподдерживающей функции, но как составляющие совсем другого вариативного ряда – согласия с оценкой, подчеркивая объективную оправданность оценок и эмоций говорящего, и с другим интонационным оформлением). Поэтому при переводе с одного языка на другой обычно подбирают одну из конструкций, принадлежащих к этому же ряду, но не обязательно максимально близко формально. Отметим, что современные переводчики западных фильмов и сериалов на русский язык часто не учитывают смысловые и регистровые оттенки конструкций – «запросов об истинности», что ведет к их нивелированию.

Фатика телефонных разговоров в романах Татьяны Поляковой

Т. В. Седова

Российский государственный торгово-экономический университет

Фатика

Summary. The phatic function of language is considered as one of the main, because a child masters it the first. At present many linguists analyze it exclusively as initiation, maintenance and end of communication. But the phatic elements even in especially phatic genres do not appear informational empty, but they bear deictic and emotional information. Telephone conversations in the novels by T. Polyakova are examined from the point view of phatic communication and presence of phatic elements.

Р. Якобсон считал фатическую функцию языка одной из главных в связи с тем, что эта первая функция, осваиваемая ребенком для социального общения, прежде всего, со своей матерью, а впоследствии – и с окружающим миром. В настоящее время многие лингвисты (Арриго Коэн Анитуа, Луис Басарте Лоренте, Алькарас Варо Энрике и др.) фатическую функцию трактуют исключительно как инициацию, поддержание и окончание коммуникации, т. е. как некоторую рамку для ведения вербальной коммуникации. Большинство лингвистических работ как раз и выстроено по этому принципу: в них дается характеристика фатических элементов, которые обычно бывают задействованы для оперативного налаживания, поддержания и завершения коммуникативного процесса. Такие исследования ценны, особенно если они выполнены на иностранном материале, при обучении языкам, этикету и культуре речи.

Но мало работ, в которых фатика изучалась бы на фоне или в сопоставлении с информацией. Нами была предпринята попытка сопоставления фатического и информационного наполнения текстов. В настоящее время благодаря работам Клода Шеннона информацию определяют через энтропию. И если, с одной стороны, а priori принять, что фатика неинформативна, то можно считать, что энтропия фатических текстов достаточно высока. Но с другой стороны, эти тексты достаточно стабильны. В предыдущих работах мы пытались доказать, что фатические элементы даже сугубо фатических жанров, к примеру, светской беседы, не предстают информационно пустыми, а несут дейктическую и эмоциональную информацию, что важно для прагматического и когнитивного аспектов и всего текста в целом.

В данной работе в фокусе внимания находится фатика телефонных разговоров в романах Татьяны Поляковой. Как и в нашей современной реальности героини романов Поляковой пользуются тремя каналами связи: телефоном-автоматом,

стационарным телефоном и мобильным (сотовым). Из нашей практической деятельности очевидно, что в связи с относительной дороговизной тарифов на телефонные разговоры с мобильных и сотовых телефонов, коммуникация по мобильной связи должна быть, первое, лаконичной, второе, – информационно насыщенной, третье, – протекать в максимально короткой промежуток времени из-за возможности нарушения функционирования канала связи (источник питания может сесть, абонент находиться вне зоны доступа и т. д.). В романе «Тень стрекозы» Т. Полякова описывает процесс коммуникации по мобильной связи таким образом: «...набрала номер телефона, сказала несколько слов и стала ждать».

Характеристики разговоров по стационарным телефонам несколько отличаются от характеристик разговоров по мобильной связи. Во-первых, коммуникация по стационарным телефонам допускает большую временную возможность общения, отсюда и больший набор фатических элементов и даже фатических тем для разговоров, коммуникация проходит в менее торопливом темпе, скорость подачи звуковых сигналов (слов) меньше, отсюда и меньшие затруднения испытывает адресат при получении информации. В целом, интенсивность информационного потока и фатическая рамка более сбалансированные.

Из 83 исследованных текстов телефонных разговоров сугубо фатическое общение с присущей ей тематикой и оформлением представлено одним разговором в романе «Жестокий мир мужчин», также одним разговором в романе «Эксклюзивный мачо» и одним – в романе «В ночи последнего дня». В этих разговорах, как ни в каких других, продемонстрирована жизненная необходимость фатического общения людей при минимальном обмене информацией. Хотя сам же автор в романе «Эксклюзивный мачо» иронизирует по поводу такого общения: «Проще всего набрать номер и сказать: "Привет, как твои дела? У меня все отлично"».

В других разговорах фатический компонент уступает место информационному. В таких ситуациях информация выступает на первый план, поскольку ей оценивается степень уменьшения трудности решения какой-либо задачи. Именно информация показывает, в какой мере полученное сообщение облегчает решение этой задачи. В этой связи показателен пример информационно насыщенного телефонного диалога из романа «Жестокий мир мужчин».

В большинстве случаев общения по телефону происходит или обмен информацией, или ее сообщение, фатический же компонент служит для инициирования, поддержания и замыкания общения. Для инициации разговора используются реплики-приветствия (*Привет; Константин Сергеевич, здравствуйте!*), этикетные формы ответа на телефонный звонок (*Слушаю; Да...; Слушаю вас; Дерин слушает; Что вам угодно?*), формы извинения за доставленное беспокойство, особенно когда имеет место официальный регистр общения (*Прошу прощения, это участковый Ковалев...; Простите, могу я поговорить с Агнессой?*), при неофициальном регистре общения в обиходно-разговорной речи используются ономастическая лексика (*Светлана Сергеевна?; Ася? Это Надя...*) и т. д.

Нередки в произведениях Поляковой случаи, когда фатический элемент налаживания общения вообще опускается: (*Ладка, сработало. Век свободы не видать...; Я тебя не разбудил?; Тебе осталось две недели. Слышишь, сука?; Илья в городе; Маня, у тебя неприятности?; Тебе долг отдать?; Это я; Ты где?; Детка, давай-ка кофею попьем; Ты меня искала?; У нас неприятности; На ловца и зверь* и т. д.) Как

видим, в приведенных примерах используются апеллятивы, инвективы, вопросительные высказывания с различной иллюцией, переработанные пословицы и речения.

Для поддержания разговора или смены темы используются как достаточно устоявшиеся (этикетные формы) (*Послушайте...; Представляешь?; Так-так, очень интересно; И вот еще что; Интересно, очень интересно; Вот и отлично; Понятно...*), так и спорадические (*Я обещал: никаких неприятностей; А во-вторых?; – Что-нибудь случилось? – Почему?*).

Финальными репликами могут выступать как традиционные этикетные формы прощания, согласия, извинения, благодарности и приглашения (*Пока; Хорошо; О'Кей; Это вы меня извините; Извини, ты права и вообще...; Спасибо; Приезжайте, жду; Жду вас с нетерпением; Дело серьезное, жду вас через час; Давай приезжай, адрес знаешь?; В каком часу за тобой захватить?*), так и нетрадиционные указания к дальнейшему действию (*Немедленно уезжай. Это приказ; Не надо никуда ехать. И вообще ничего не надо; Займите себя чем-нибудь, дорогая*). Но часто прекращения общения оформляется достаточно неординарными репликами (*Обижает; У меня по расписанию в шесть ноль-ноль шейпинг, вот туда и отправлюсь; Не вижу проблемы; Как только найду деньги, позвоню; Готовится что-то страшное...*)

В романах Т. Поляковой информационные телефонные разговоры обеспечивают развитие сюжетной линии, а фатические (особенно их языковое своеобразие) – в идейно-художественном плане служат для более глубокого раскрытия характера героев и понимания специфики сегодняшнего времени и социально-политической ситуации.

Моделирование литературного текста: когнитивные трансформации

В. А. Сулимов

Коми государственный педагогический институт, Сыктывкар

Когнитивный анализ, моделирование текста, когнитивные модели «смысл-текст», когнитивные трансформации, когнитивные стратегии

Summary. Literary texts can be introduced not only in the aesthetic sense (as a system of associative figurativeness), not only in the logical-and-conceptual sense (as a system of multiple level narration), but also in the linguistic-and-cognitive sense (as a system of cognitive transformations). Linguistic-and-cognitive approach closes in possible analysis of cultural transmission linguistic mechanisms.

Моделирование литературного текста является основной лингвокогнитивной процедурой интерпретационной текстовой деятельности, которую необходимо рассматривать в лингвистическом и культурологическом аспектах. В лингвистическом аспекте моделирование литературного текста представляет собой набор тактик ментальной деятельности индивидуума в системе «смысл – текст» в соотнесении со структурой индивидуальной языковой картины мира. В культурологическом аспекте моделирование литературного текста сводится к построению индивидуализированной аксиологической шкалы, основанной на исторически и социально детерминированной системе ценностей. Лингвистический аспект моделирования литературного текста представляет собой систему когнитивных трансформаций, обеспечивающих систему «смысл – текст» (Н. И. Жинкин, И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян). Когнитивные трансформации относятся к особому типу знака, который мы называем *континуальный знак*, являющийся не дискретным знаковым образованием, симметричным самому себе, а пролонгированной системой признаков, соответствующих (а) смысловому наполнению высказывания (текста); (б) ситуативному (жанровому) соотношению высказывания (текста); (в) позиции наблюдателя (приближенной к позициям автора/читателя, либо удаленной от них) и (г) цели когнитивного моделирования (т. е. исследовательской установке наблюдателя). Тип континуального знака определяется доминированием (в высказывании, фрагменте текста, либо целом тексте) одного или нескольких способов когнитивной трансформации. Нами выделено несколько типов когнитивных трансформаций: *концептуализация* (выражение смыслов через логико-семантическую операцию обобщения), *метафоризация* (выражение смыслов через логико-семантическую операцию сравнения / сопоставления) и *типизация* (выражение смыслов через логико-семантическую операцию соположения или сопряжения) (Ср. Ю. С. Степанов, Дж. Лакофф, Н. Д. Арутюнова, А. Вежицка, Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров, Ю. Е. Прохоров). Особое место в русской языковой мен-

тальности занимает *символизация* – тип когнитивной трансформации, существующий в неразрывной связи с другими типами трансформаций и выступающий всегда латентно (И. Е. Фадеева). *Символизация* как свойство современного русского литературного текста обращена к историческим этапам развития национальной культуры и демонстрирует *текстоцентрический характер* этой культуры. Особая роль в моделировании литературного текста принадлежит лингвоориентированной информационной ценности высказывания / текста, выделяемой адресантом и воспринимаемой адресатом на всех уровнях лингвистической абстракции.

Когнитивные трансформации существенно влияют на общее соотношение феноменов языкового и культурного сознания индивидуума. Они являются наиболее глубинным из всех *наблюдаемых* уровней смыслопорождения и смысло-восприятия. Именно на уровне когнитивных трансформаций (или на прилегающем уровне закрытой части сознания) осуществляется смыслопорождение и создается смысловая перспектива отдельного ситуативно обусловленного высказывания и текста. Другими словами, *когнитивные трансформации* – это «предуровень» существования текста и, одновременно, – база для бытия в сознании индивидуума картины мира, а потому – основная и во многом (в отношении знаков языка и кодов культуры) единственная симметричность сознания человека – носителя культуры. *Картина мира*, литературный текст и способы или виды *когнитивных трансформаций* представляют собой углы модифицированного в ходе цивилизационного и языкового развития семиотического треугольника, вид которого в условиях современного семиозиса изменился, на наш взгляд, следующим образом: картина мира – текст – когнитивные трансформации. Иными словами, дискретные семы-примитивы перестали выделяться участниками коммуникации, уступив место недискретной процедуре контекстного восприятия (это хорошо прослеживается как на бытии текстов т. н. «эстрадной попсы», которые воспринимаются только в процессе протекания определенной ситуации восприятия, так и на про-

чтении т. н. «академических» романов, требующих подготовленной смысловой интерпретации (М. Павич, У. Эко, М. Шишкин и др.).

Когнитивные трансформации, реализуясь в литературном тексте в виде набора континуальных знаков (концептуализированных, метафоризированных и типизированных), контаминируются в реальных литературных текстах в форме объединений континуальных знаков на основе общего нарративного замысла – в форме когнитивных стратегий. В этом смысле нарративный замысел в ходе текстовой деятельности преобразуется в своеобразную идеологию, диктующую способы представления информации (В. Шмид). *Когнитивной стратегией* мы называем способ формирования нарративного текста как текста культуры, основанный на фигурах, совмещающих в пределах одного текста различные типы когнитивных трансформаций. Когнитивная стратегия как стратегия выстраивания текста не имеет стилообразующего потенциала, вместе с тем, безусловно, можно наблюдать соотношение когнитивной стратегии и авторского «Я», демонстрируемого автором или выявляемого в ходе наблюдения. Когнитивная стратегия текста онтологически основывается на процессе *визуализации* современного индивидуального сознания. На основании *визуализации* вырабатываются зрительно ориентированные когнитивные стратегии, которые (в отличие от логикоориентированных стратегий понимания текста, описанных Т. Ван Дейком) способны

продуцировать новые тексты культуры. Можно наметить следующие когнитивные стратегии: (а) верификационные (т. е. направленные на логико-ментальное восприятие адресата); (б) дистрикционные (направленные на определенное – в основном жанрово- (или сюжетно-) детерминированное восприятие адресата); (в) анимационные (в том числе – коллажные), направленные на фрагментарное («фасеточное») восприятие зрительно обусловленных образов; (г) перцепционные, направленные на создание у адресата чувственных иллюзий; (д) вторичные («ремейковые»), направленные на использование известных образов, сюжетов, текстов с целью *поддержания процесса коммуникации* либо создания *эффекта новизны*. Такого рода *вторичные стратегии* часто используются сегодня для создания т. н. проектов, в т. ч. известных романов Б. Акунина и художественных инсталляций. Именно вторичные стратегии, на наш взгляд, совершенно неоправданно считают главным признаком «эпохи постмодерна».

При определенной последовательности когнитивных стратегий: «верификационные – дистриктивные – анимационные – перцепционные – ремейковые» – хорошо просматривается ситуация убывания собственно смыслового наполнения стратегии, что соответствует некоторой градуальной оппозиции «информационная / неинформационная стратегия». Именно эта оппозиция выражает ценностную (аксиологическую) составляющую феномена когнитивной стратегии.

Жанровый аспект грамматики долженствования (на материале тюменской деловой письменности XVIII века)

О. В. Трофимова

Тюменский государственный университет

Историческая стилистика, лингвистика документа, жанр, модальность

Summary. The author investigates the dependence of the way of expressing modality of obligation on the document's genre basing the results on the materials of business documents of the second half of the 18th century.

Провинциальный скорописный деловой текст XVIII в. – феномен, позволяющий на своем примере изучать как становление государственного литературного языка в его функционально-стилевой системе, так и функционирование на синхронном срезе каждого исторического периода народно-разговорной, в том числе и диалектной речи.

Одним из критериев жанровой дифференциации деловой письменности является модальность. По словам В. В. Колесова, к XVIII в. «желательность выражает мотивацию действия, возможность – морально-этическое оправдание такого действия, а необходимость все более развивает идею долженствования (появляется форма *долженъ*) – усиливается необходимость, явленная согласно чужой воле». Многочисленное (7 значений) прилагательное *должный* как связка в сложном сказуемом (*должен*) в «Словаре русского языка XVIII века» фиксируется со значением «З. кратк. ф., предикат. с инф. *Обязан (сделать что-л.)... // Вынужден, принужден (сделать что-л.)*». В картотеке словаря XVIII века зафиксировано употребление субстантивированного прилагательного *должное* в качестве абсолютного синонима к термину *право*: «Право, или должное, есть то, что закон предписует к использованию или что дозволяет» (А. Н. Радищев).

Судя по тюменским документам, формирующаяся модальность долженствования выражается в двух лексико-грамматических вариантах: «*должен* + инфинитив» и «*имею* + инфинитив», например: «...сею поручною записью в том *ответствовать должны*» [1793 г.]; «сто десять рублей, которые *имею получать* от расходчика» [1795 г.].

Анализ материалов приводит к следующим выводам. Из 347 документов, опубликованных нами в книге «Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг.: Книга II. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области» (Тюмень, 2002), в 15 текстах (с 1766 по 1796 г.) отмечено сочетание *с должен*, в 22 текстах (с 1762 по 1795 г.) – *с имею (имеешь, имеет)*. Любопытно, во-первых, то, что обе конструкции активно представлены в документах одного и того же синхронного среза; во-вторых, то, что эти конструкции в структуре текста большинства жанров оказались взаимоисключающими; следовательно, не исключена жанровая дифференциация документов на основании данного критерия.

Жанры «имею» – это чаще документы, фиксирующие устную речь просителей, не имеющих опыта построения письменных текстов, т. е. документы, абстрактный формуляр которых допускает большую свободу языковых средств выражения, в зависимости от реальных экстралингвистических условий коммуникации (10 жанров: челобитная, ведомость, копия с определения, допрос, реверс, объявление, просьба, рапорт, объяснение, кондиции).

Жанры «должен» (8) – это, во-первых, документы «благочестного характера» (обязательство, условие, контракт, копия с присяги, поручная запись, протокол); преобладающая текстовая часть их переписывается из документа в документ, так как в основе документов – образец, утвержденный в высших, в первую очередь, столичных инстанциях. Во-вторых, это письменные речевые произведения адресантов – должностных лиц, имеющих практику деловой коммуникации по линии «столица–провинция» в активном и пассивном аспектах (предложение, сообщение).

Обе конструкции зафиксированы в текстах 6 жанров: это письма, указы, приказы (инициативные документы с персонафицированным адресантом, как правило – высшим должностным лицом), промемории (вторичные внутриканцелярские тексты с коллективным адресантом, создаваемые исключительно для делопроизводственных нужд), подписки и договоры (это максимально трафаретные документы, в текстах которых субъект воли чаще всего вписывает – или с его слов записывают – свои индивидуальные данные). Это те деловые тексты, в которых совмещается реализация личных интенций волеизъявителя и довлеющий над текстом, следовательный, и над его автором образец. Интересным представляется и тот факт, что в *одном и том же тексте* конструкции «*должен* + инфинитив» и «*имею* + инфинитив» не используются одновременно.

Таким образом, *жанры «имею»* во второй половине XVIII в. в тюменской провинции сохраняют народно-разговорную лексико-грамматическую основу текста, *жанры «должен»* являются по сути книжными текстами. Интересна на этом фоне судьба конструкций в русском языке XIX века: В. И. Даль писал в своем словаре, что конструкции с глаголом *иметь* «в функции вспомогательного глагола с неопределенным наклоном означает будущее», и в то же время «все эти, чужие нам, *книжные и приказные обороты* выходят из обычая».

Вопросы деривационного функционирования текста

Ю. В. Трубникова

Алтайский государственный университет, Барнаул

Деривация, текст, вторичный текст, текстовая парадигма

Summary. The subject of the report is the problem of derivational structure, that determines functions of the text and basic characteristics of derivative texts. Some peculiarities of derivation of this structures determine formal and semantic transformations of initial text.

Одним из актуальных направлений современной динамической лингвистики, предмет изучения которого – различные аспекты развертывания текстов, является дериватология (Л. В. Сахарный, Л. Н. Мурзин, Е. А. Земская, С. Ю. Адливанкин, Н. Д. Голев и др.), учение о деривации в широком смысле, под которой в настоящее время понимается процесс образования всех возможных языковых единиц, начиная от слова, его грамматических форм и заканчивая текстом.

Несмотря на значительный интерес современной лингвистики к изучению текста как целостного самостоятельного образования, единицы высшего уровня языка функционирующей по собственным законам (Ю. М. Лотман, Л. Н. Мурзин, С. И. Гиндин и др.), текстовый уровень остается до настоящего времени недостаточно разработанным, проблема текста как знака языка, в частности вопрос о внутритекстовой парадигме, еще ждет своего решения. Представляется, что именно деривационный подход к анализу текста позволит углубить представление о названном языковом (именно языковом, а не речевом) феномене, описать помимо его хорошо изученных статических и новые свойства, характерные для него как динамически развертывающейся структуры, объяснить особенности протекания деривационных процессов в текстах разных типов, объединить все возможные текстовые проявления в единую лингвистическую модель.

Всякий текст как динамическая структура представляет собой пространственно-временное развертывание различных лексических рядов, члены которых находятся друг с другом в отношениях детерминации, то есть всякая «последующая» единица может быть рассмотрена как смысловое продление предыдущей. Деривационно-детерминационные процессы на уровне лексики протекают в тексте в двух направлениях – семантическом и / или формально-семантическом, это дает основание для выделения соответствующих типов рядов. Актуализация ряда возможна в микроконтексте в виде соположения в нем формально или семантически близких единиц. Ограниченность текстового пространства мешает такого рода рядам занимать в тексте центральную смысловую позицию. Такие ряды могут быть названы горизонтальными, они являются своего рода «распространителями» других, вертикальных текстообразующих рядов, организующих более широкий контекст и входящих в деривационное ядро текста. Вертикальные и горизонтальные ряды, взаимодействуя в тексте, образуют его лексико-деривационную структуру, которая определяет систему смыслов и является основанием восприятия текста в целом.

Определяющая роль лексико-деривационной структуры текста в процессе его функционирования обусловлена внутритекстовыми деривационно-детерминационными процессами. Во-первых, с деривационной точки зрения любой элемент текста, больший, чем слово, есть продукт развертывания, отдельный этап деривационного процесса и единица, обеспечивающая свертывание текста. Каждая единица как бы вырастает из всего предшествующего текста и конкретно из предыдущей единицы. В силу этого, между двумя сопологающимися языковыми единицами и, шире, между любыми элементами текста возникают определенные внутритекстовые связи и отношения (альтернатива, градация, конкретизация, обусловленность, тождество). Информационное наполнение («событийный материал») каждой части текста независимо от ее размера является значимым, во-первых,

как источник информации о разных аспектах смысловой структуры каждой из соотнесенных ситуаций, во-вторых, как источник информации о внутренних процессах возникновения смысловых связей и отношений, то есть как «контекстуальный фактор отношения» (термин М. В. Ляпон).

Однако деривационная структура текста может быть рассмотрена не только как способ развертывания данного текста или инструмент интерпретации речевого произведения, но и как основа реализации деривационного потенциала этой языковой единицы, а следовательно, и как основа типологического описания и поиска деривационного текстового инварианта.

Любой текст как знаковая сущность вступает в синтагматические и парадигматические отношения с другими единицами своего уровня. Парадигму текста формируют вторичные, или производные, тексты (реферат, аннотация, заголовок, пересказ, изложение и т. п.), возникающие как результат воспроизведения и интерпретации исходного текста. Семантическое расстояние, степень формальной и смысловой близости, между вторичным и исходным текстами зависит прежде всего от деривационных характеристик исходного текста.

Особенности деривационной структуры текста, степень выраженности формально-семантической связи между ее компонентами определяют два уровня воспроизводства смысла при образовании вторичного текста: во-первых, однозначное восстановление информации, во-вторых, варьированное восстановление, когда интерпретация остается на уровне тех семантических или синтаксических признаков, которые заданы схемой текста. При отражении денотативной ситуации различные тексты по-разному реализуют повторение ее семантических признаков на языковом материале, формирующем контекст, именно поэтому варьированное восстановление информации связано со степенью точности отражения контекстом объективной денотативной ситуации, а также со степенью субъективного представления реципиента об этой ситуации или отдельных ее компонентах.

Анализ значительного количества вторичных текстов одного типа (тексты изложений) показал, что в них, во всех без исключения, сохраняется вертикальная деривационная структура исходного текста, его основной глагольный ряд, характер деривации которого определяет направление основных семантических преобразований отдельных фрагментов в производных текстах. Преобразованию подвергаются, как правило, горизонтальные лексико-деривационные ряды и тем значительнее, чем менее выражены в них формальные связи. Среди семантических изменений наиболее частотными являются сжатие или развертывание отдельных фрагментов текста, синонимические замены отдельных единиц (как слов, так и предложений), усиление или ослабление динамичности повествования, различные изменения общих модусных смыслов текста. Характер и количество конкретных преобразований определяют степень смыслового расхождения исходного и вторичного текстов, т. е. семантическое расстояние между ними. Таким образом, на основе сопоставления структур исходного и вторичного текстов можно выделять разные типы преобразования этих единиц в общих терминах деривации, выделяя, в частности, процессы текстовой трансформации и мутации, или перифразы (Ю. С. Степанов), выделяемые как для имен и предикатов, так и для предложений.

Метаконструкции, выражающие временные отношения в тексте

Г. Д. Фигуровская

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Синтаксические отношения, метаконструкция, текст, временные отношения

Summary. Metaconstructions are sentences and their fragments taking part in the expression of syntactic relations in a composite sentence and in the text. Time metaconstructions may show the time interval between the events, the duration, the beginning or the end of an event, etc. They may be replaced by the combinations with the pronouns and other means, but their functional possibilities are wider.

Метаконструкциями мы называем предложения и их фрагменты, участвующие в выражении синтаксических отношений в сложном предложении и в тексте. Такие единицы называют также «скрепы-фразы». Метаконструкции – понятие более широкое, чем скрепы-фразы: скрепы-фразы – это, с нашей точки зрения, метаконструкции с редуцированным лексическим наполнением, они и пополняют состав связующих средств русского языка. К таким можно отнести, например, *Мало этого. И потом. Так и есть, Дело в том, что...* и мн. др. Многие же из таких единиц сохраняют, наряду со связующей (релятивной) функцией, функцию денотативную. Такие конструкции широко распространены при выражении временных отношений в тексте, а именно в повествовании. Данные метаконструкции с точки зрения их семантики подразделяются на следующие группы:

1. Метаконструкции, указывающие на временной интервал между событиями:

Нет, едва ли у кого-нибудь в действительном детстве бывает такое звонкое утро. И если бы не каждый порознь, не в разные сроки, а все в один день переживали такое, то давно бы в одном дружном усилли вдребезги разлетелась вся наша Кащеева цепь. Алпатов взглянул на часы. Оставалось всего только сорок минут до новой встречи у того же самого прекрасного омнибуса. Вместе с кофеем подают ему на подносе маленькое письмо. Он пьет, положив перед собою часы, и не обращает на письмо никакого внимания: это после, как-нибудь на ходу (М. Пришвин).

2. Метаконструкции, указывающие на продолжительность, длительность того или иного события:

Крупник исчез. Взбешенный Женька Иванов потребовал, чтобы ему доставили Крупника на расправу, живого или мертвого. Но его нигде не могли найти. Дома он не ночевал. Прошло недели две. Однажды я, как всегда, очень рано пришел в редакцию, вошел в свою комнату и отступил: на пыльном подоконнике опять сидел Лева Крупник и плакал. Пенсне висело на черной тесемке на шее у Левы и качалось от его судорожного дыхания (К. Паустовский).

Ср.: «Через две недели, однажды я, как всегда, очень рано пришел в редакцию...».

3. Метаконструкции, указывающие на начало или конец того или иного события или на начало / конец временного отрезка:

Море отзвывалось на голоса этих туч, превращая один гром в слетение многих гулких громов. Они сотрясали морские дали па всем направлениям. Я пользовался всяким свободным днем, чтобы уйти из города на самые отдаленные станции Большого Фонтана. Началась весна. Приход ее на это степное побережье был трогательнее, чем в местах, богатых растительностью. Может быть, потому, что здесь был очень виден каждый цветок, тянувшийся из-под заржавленных рельсов заброшенного трамвая, каждая трепещущая бабочка, сушившая крылья в теплых струях морского воздуха (К. Паустовский).

Я перестал ходить в Абсоюз; лежал неподвижно сутками, следя за бегом воображения – то ровным, то стремительным и суматошным. Все это окончилось тем, что в комнате у меня появился деятельный товарищ Рыбкин

в своей серой летней черкеске с газырями, а с ним – угрюмый молодой человек, стриженный ежиком. Человек этот оказался врачом-невропатологом, единственным в Сухуме... (К. Паустовский).

Ср.: «В конце концов в комнате у меня появился деятельный товарищ Рыбкин...».

4. Метаконструкции, указывающие на момент времени, в который происходит то или иное событие:

Хозяин предусмотрительно задернул лянкую занавеску. Но мы так шумели, что время от времени кто-нибудь из посетителей приоткрывал занавеску и заглядывал к нам в «кабинет». Всех заглядывающих мы угощали водкой. Они охотно пили и поздравляли нас с «благополучным окончанием». Был уже поздний вечер, когда хозяин вошел в наш «кабинет» и, скосив на занавеску глаза, сказал вполголоса: – Сипатый торчит за дверьми. – Какой еще сипатый? – спросил Станшевский (К. Паустовский).

Ср.: «Поздним вечером хозяин вошел в наш “кабинет”...»

5. Метаконструкции, указывающие на предшествование или следование того или иного события:

Оказалось, что старые моряки-подпольщики и большевики добились возобновления газеты. Этому предшествовали некоторые удивительные обстоятельства. Женька Иванов так затосковал без «Моряка», что слег, два месяца лежал без движения и даже отказывался разговаривать. Марина билась изо всех сил, чтобы прокормить его и девочку... (К. Паустовский).

Ср.: «Перед этим Женька Иванов так затосковал без “Моряка”...».

6. Метаконструкции, указывающие на повторяемость и регулярность того или иного действия или события:

Все вокруг пахло сосной. Сорванные с можжевельника прошлогодние сохшиеся ягоды тоже пахли сосной и пахли еще оперением тетеревов, – диким запахом непролазных чащоб и болот. Так случалось несколько раз. Это состояние не было сном. Оно было как бы полуявью. Оно переносило меня на глухие просеки Карелии или к слабенькому плеску, вернее, всплеску, ее всегда серебрившихся у берега озер. Я жил как бы внутри того материала, из которого рождалась книга (К. Паустовский).

С точки зрения структуры временные метаконструкции представляют собой простые предложения с глаголами бытия, начала, конца, возникновения, сохранения одного и того же состояния или положения, которые включают в себя, как правило, анафорические местоимения, могут содержать и частицы, которые осложняют семантику данных фрагментов текста.

Многие из метаструктур могут быть заменены местоименными сочетаниями или другими средствами связи предложений в тексте, что показано выше. Однако метаконструкции являются более гибким средством связи компонентов текста: они позволяют, наряду с указанными значениями, подвести итог, подчеркнуть ту или иную временную фазу, зафиксировать момент перехода в тексте к следующему эпизоду, внести субъективную оценку происходящего как ожидаемого / неожиданного, подчеркнуть ретроспективный или проспективный характер фрагмента повествования и др.

Пространство и время как содержательная компонента текста типа «описание»

В. М. Хамаганова

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

Описательный текст, пространственные параметры, синхронность и совпадение, дейктические средства, актанты

Summary. The concepts of space and time are reflected in a descriptive text. Participants of situation (actants) give expression to spatial parameters and create semantic and lexical model of this kind of text. Synchrony is possible in a descriptive text in case of unity and concordance of place. Descriptive text is an instrument of reference.

1. Физическое пространство, представленное в сознании носителя языка пространством созерцания, соответствует идеям Готфрида Лейбница и рассматривается как нечто, определяемое находящимися в нем объектами, осознается через наполняющие его предметы – пространство вечно и трехмерно. Физическое пространство не мыслится вне времени.

2. Для лингвистики как когнитивной науки, изучающей предметно-познавательную деятельность человека, представляет интерес выявление способов передачи языковыми единицами всеобщих категорий пространства и времени.

Выражение пространственно-временного континуума бытия единицами словесного уровня и уровня предложения – грамматическими, лексическими и семантическими их свойствами, – а также текстом типа «описание» – исторически сложившиеся способы репрезентации восприятия пространства.

Предметность пространства как непреложное его свойство воспринимается человеком посредством сенсорных модальностей – зрением, слухом, осязанием и др. – и выражается в описательном тексте актантами, получившими название «предметных актантов пространства». Другое имма-

нентное свойство пространства – его трехмерность также осознается говорящим и находит воплощение в языковых средствах описательного текста – в значении «актантов структуры пространства» [1, 203–218]:

«**Внутри** был сколочен *помост*, расставлены *скамейки*... **В глубине** разместились *мужики и бабы*, **посередке** *дачники и дачники*. **Впереди же** на белых парковых скамейках – *человек двадцать солдат* из сельского лазарета. **В стенах** ...были *щели*, сквозь которые глядели *звездная ночь да черные тени мальчишек*, взгромоздившихся на высоко наваленные бревна» (В. Набоков).

3. Использование текста для передачи ориентации человека в пространстве и во времени имеет свои закономерности и выявляет специфику способа восприятия мира носителями языка. В этом случае язык диктует наличие тех обязательных параметров, которые должны передавать пространственно-временное представление. Таким образом, вербализация посредством описательного текста любого факта реальной действительности – это ментальное действие с ориентированным пространственно-временным представлением. Описательный текст очерчивает контуры пространственного расположения участников события через передачу ими пространства пейзажа или интерьера.

В канонической речевой ситуации, в обстановке непосредственного общения говорящего и слушающего, с целью ориентации в пространстве слушающего говорящий может использовать средства коммуникации, которые можно определить как «наглядные». Средства наглядного языка имеют эквивалентные по функции вербальные способы выражения – действительные средства.

Вымышленные ситуации, присущие художественному изложению, представлены в указательном поле вторичного дейксиса, где действует повествователь, а не автор-говорящий, где нет синхронного слушателя. К средствам вторичного дейксиса относится и текст типа «описание».

4. Специфику текста типа «описание» составляют отношения одновременности существования признаков предметного ряда.

Сравнение временных интервалов существования различных точек пространства определяет проблему одновременности. Различается одновременность событий в одном и том же месте и одновременность пространственно раздельных событий. «Стечение событий в одном и том же месте и в одно и то же время называется совпадением» [2, 144]. Представляется, что именно совпадение как результат временного и пространственного единства образует понятие «поле зрения» наблюдателя (говорящего) – то понятие, которое необходимо для осознания онтологической сущности предметного ряда, непосредственно воспринимаемого человеком.

Именно совпадение вербализуется текстовой единицей описанием. Одновременность удаленных событий, которые не могут попадать в поле зрения говорящего в канониче-

ской речевой ситуации, имеет свою специфику восприятия и вербализации в художественном произведении. Совпадение во времени пространственно разделенных событий, не имеющих сенсорной реализации в причинной цепи, не находит вербализации в одной текстовой единице – в одном описательном фрагменте.

То, что попадает в поле зрения наблюдателя в определенный момент времени, представляет собой предметный ряд, связанный пространственно-временным единством бытия, и может быть вербализовано описательным текстом; причем в этом случае восприятие основывается на сенсорных ощущениях и вербализация их осуществляется посредством визуального описания. Описание кодирует визуальное восприятие наблюдателя: в сознании метанаблюдателя – слушателя или читателя – возникают аналоги сенсорных восприятий, которые вербализуются описательным текстом.

Поле зрения говорящего совпадает с понятием «указательное поле» в канонической речевой ситуации. В художественном изложении поле зрения наблюдателя имеет более значительные параметры, и это приводит к тому, что наглядные средства не могут иметь воплощение «Поле зрения» – это предметный ряд, охватываемый при восприятии возможностями сенсорных модальностей человека. Однако сознание может «раздвигать» границы пространственного единства, «расширять» поле зрения воспринимающего. Пространство созерцания может быть адекватно физическим возможностям поля зрения человека, а может соответствовать полю «внутреннего» зрения, равному знанию воспринимающего.

5. Пространственное единство фрагментов мира ограничивается «полем зрения» воспринимающего, и в художественном тексте пространственная ориентация воспроизводится в структурно-семантической и лексической модели описательного текста.

Хотя интерпретация пространственно-временных позиций в художественном изложении не может ориентироваться на реальный момент, потому что сама ситуация вымышленна, момент речи – относительное понятие, начальная точка местоположения и времени наблюдателя (точка отсчета), как и сам наблюдатель, – продукт вымысла, однако «механизмы соотношения языкового текста с вымышленным миром и с реальным во многом подобны» [3, 224]. В силу этого текст типа «описание» демонстрирует ориентацию человека в пространственно-временном континууме и функционирует в целом художественном тексте как средство референции.

Литература

1. Хамаганова В. М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семиотики и онтологии). Дисс. ... доктора филол. наук. М., 2002.
2. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М., 1985.
3. Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.

Темпоральная характеристика побудительных высказываний

А. И. Черенков

Мичуринский государственный педагогический институт

Темпоральная ситуация, императивная ситуация, интенциональное действие, постпобудительная перспектива, способ действия

Summary. The theses of this report touch on the problem of the study of temporal perspective of imperative sentences. The registration of time factor enables to distinguish both situations of immediate perspective and remote hypothetical situations.

Представляется необходимым выделить следующие типы темпоральных ситуаций: а) ситуации ближайшей перспективы; б) ситуации ближайшей перспективы, связанные с временным планом периода речи; в) ситуации отдаленно-гипотетической перспективы.

Во многих побудительных ситуациях ближайшая перспектива реализации интенционального действия связана с употреблением специальных лексических показателей (*сейчас, немедленно, быстро, скорее и др.*), которые либо вносят данный темпоральный смысл в высказывание, либо дополнительно подчеркивают его. С другой стороны, ближайший временной план может быть и не связан с функционированием языковых средств, указывающих на него, так как скорая реализация интенции говорящего может быть обусловлена общим ситуативным положением вещей. В побуди-

тельных ситуациях говорящий, как правило, стремится с помощью адресата материализовать свои интенции во временном отрезке, непосредственно следующим за периодом речи. Таким образом, специальные темпоральные средства в большинстве случаев лишь актуализируют ближайшую будущую перспективу, а не создают ее.

Связь периода речи с ближайшей перспективой встречается в побудительных высказываниях с глаголами несовершенного вида некоторых способов действия (*Читай дальше – обзорный способ действия; Копай быстрее – многоактивный способ действия; Стой! Не двигайся!* – статальный способ действия; *Дописывай до конца* – финально-комплетивный способ действия; *Не останавливайся. Играй* – эволютивный способ действия). В подобных случаях имеет место побуждение адресата к продолжению деятельности,

которой он занят, или к продлению того состояния, в котором он пребывает. Другими словами, обозначенные в высказываниях ситуации относятся к стимулирующему модальному типу, который гармонично вписывается в представления о синкретическом взаимодействии временных планов периода побуждения и постпобудительной перспективы.

Отдаленно-гипотетическая перспектива является характерной чертой императивных ситуаций, в которых невозможна или нецелесообразна немедленная реализация интенций говорящего (*Как-нибудь приезжайте погостить у нас...; Если будет время, позвоните мне...; Учись переносить невзгоды беззрочно... и др.*).

Ближайшая перспектива реализации интенционального действия является тем актуальным элементом, который не нуждается в специальной экспликации. Наличие же в импе-

ративных высказываниях темпоральных средств, указывающих на ближайший временной план, является в какой-то степени избыточным актуализационным фактором.

Синкретическое взаимодействие временных планов периода речи и ближайшей постречевой перспективы является той комбинаторной особенностью, которая зависит от ситуативного стечения обстоятельств.

Причиной отдаленно-гипотетической перспективы реализации интенциональных устремлений говорящего обычно является природа самого побуждения, которая либо предполагает истечение некоторого периода времени, необходимого для материализации побудительных намерений, либо связывается с некоторыми возможными обстоятельствами, требующими исполнения императивных интенций.

К исследованию «жизни» текста

А. А. Чувакин

Алтайский государственный университет, Барнаул

Текст, бытие текста, коммуникативное пространство, текстодериватология

Summary. Suggested some methodological and linguistic conditions to construct «life» of text – theory».

0. Задача исследования «жизни» текста, поставленная в отечественном языковедении в конце XX века (Г. А. Золотова, Л. М. Майданова, А. А. Чувакин и др.), требует разработки лингвистических механизмов ее решения.

1. Общепарадигмальным условием решения данной задачи выступает представление о тексте, разрабатываемое в русле идей современного этапа системного подхода: исследуемый объект рассматривается как *сложная* система. В проекции на теорию текста это означает рассмотрение его с коммуникативно-когнитивных позиций; снятие противопоставления текста и дискурса (последний, в этом случае, может быть истолкован, в духе идей У. Эко, – как «мир идеологий» коммуникативного пространства).

2. Онтологическое условие решения задачи: текст рассматривается в его бытии в коммуникативном пространстве.

Коммуникативное пространство может быть квалифицировано как среда бытия текста, представляющая собой сложно организованную, внутренне противоречивую систему систем составляющих – «внутренних» (коммуниканты, процессы вербализации и понимания, языки [естественные и другие языки культуры], тексты, обстоятельства актов рече-коммуникативной деятельности, практические цели, коммуникативные цели) и «внешних» (культура, природа, социальная сфера). Каждая из составляющих образует вокруг себя свою пространственную сферу. Исследование текста в коммуникативном пространстве предполагает ориентированность текста – объекта, который в данном случае нас интересует, – относительно коммуникативного пространства, и наоборот. Ср.: «...понятие пространства призвано бросить луч света на другие важные конструкции (включая и текст)» [1, 228]. При этом значимыми оказываются отношения и взаимодействия текста / его составляющих и пространства (структурность пространства), место и положение текста в пространстве / относительно его составляющих (протяженность пространства). Подчеркнем особую роль в этой системе систем Homo Loquens как единства говорящего (пишущего) и слушающего (читающего).

Исследование бытия текста означает рассмотрение его существования в пространстве как системы систем, задаваемых каждой из составляющих коммуникативного пространства. Бытие текста интерпретируется как состояние его завершенности / незавершенности, открытости / замкнутости, стабильности / текучести. Текст выступает как сложный знак (знаковая последовательность), отличающийся бесконечной длительностью, включающей не только настоящее, но и прошлое и будущее, и существует как бесконечная знаковая трансформация, смысл которой (трансформации) задает коммуникативное пространство и время.

3. Отсюда вытекают требования к теоретико-лингвистическому обеспечению решения задачи, которое, по нашему мнению, создается некоторой совокупностью лингвистических идей. В докладе рассмотрим одну из ключевых – идею, вытекающую из признания текстодериватологии как

теоретической области, содержанием которой является исследование сложного процесса текстообразования [2, 23–24]: ее реализация позволяет вскрыть и продемонстрировать динамические отношения между текстами в коммуникативном пространстве времени. Если текстопорядение / текстопонимание представляет собой движение от мысли к тексту и от текста к мысли, то текстообразование включает в себя процесс взаимодействия текстов как исходного и производного (деривацию текста). Этот процесс, наряду и во взаимодействии с другими языковыми и неязыковыми процессами, осуществляется в текстовой совокупности, существующей в сложно устроенном, многоуровневом коммуникативном пространстве социума. Поскольку центром коммуникативного пространства выступают коммуниканты – говорящий и слушающий, в самом пространстве имеет место взаимодействие как исходного и производного не только текстов-продуктов (принадлежат говорящему), но и текстов-продуктов с текстами-интерпретациями (принадлежат слушающему), а также последних друг с другом. Главная задача, которую выполняет рассматриваемый процесс, состоит в создании текстов – продуктов, интерпретаций – на базе уже существующих в текстовой совокупности данного коммуникативного пространства текстов.

Одним из ключевых вопросов текстодериватологии является вопрос о специфике производности текста. Полагаем, что в отношениях производности могут находиться тексты, если они являются частично совпадающими, или, как писал Л. Н. Мурзин по поводу деривации предложения, частично тождественными ([3, 48]). Дальнейшая оценка производного текста может идти, например, в следующих терминах: «быть сложнее» [3, 48], «быть объясненным с помощью первичного знака» [4, 8]. Первое объяснение, если признать способом сделать единицу более сложной и добавочную операцию, о чем традиционно пишут в работах по словообразованию, может быть принято, как, впрочем, и объяснение второе. Более того, Г. О. Винокур раскрыл внутренний смысл такого рода объяснений. Рассуждая о производных словах, он писал: есть «слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживаемыми в самой структуре этого рода слов» [5, 421]. Таким образом, можем предположить, что в паре исходный текст – производный текст первый признается соотносящимся с действительностью (денотативный аспект) и / или выражающим модульные, «собственно» коммуникативные смыслы (целестановочный, актуальный и др.) непосредственно, а второй – через посредство первого. Данный критерий производности может быть применен при реконструкции отношений между текстами, различающимися формально (субстанционально) и не различающимися в названном отношении.

Другой важнейший вопрос – о сущности текстовых объединений, существующих в коммуникативном пространстве и времени. Полагаем, что из многочисленных дериватологических понятий, обозначающих объединения объектов, применительно к текстам адекватно понятие гнезда – гнезда родственных текстов, которое создается исходным текстом и его производными. Так, фундаментальные коммуникативные особенности художественного текста (текучесть, бесконечность, неисчерпаемость) определяют следующие особенности интерпретационного уровня гнезда родственных текстов: разная степень вхождения отдельных текстов и звеньев цепи в систему текстов на данном языке (ср., например, авторская рефлексия по поводу текста; рецензия и научная интерпретация; устное и письменное изложение и сочинение изучающих тексты; отзывы «просто» читателей и «филологически образованных» читателей и др.); особая значимость ассоциативной природы парадигматических между текстами и лабильность и открытость парадиг-

матического ряда – вхождение гнезда родственных текстов в текстовые совокупности, создаваемые средствами других семиотических систем (см., например: театр, кино как семиотические системы), в текстовые совокупности, существующие на других языках (переводы), в межкультурном пространстве и др.

Литература

1. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура: Сб. статей. М., 1983.
2. Чувакин А. А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Мат. всеросс. конф. Томск, 1998.
3. Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация. Пермь, 1974.
4. Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации: Сб. ст. Пермь, 1982.
5. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Г. О. Винокур. Избр. работы по русскому языку. М., 1959.

Автометадискурс как составляющая поэтического дискурса

И. И. Чумак-Жуны

Белгородский государственный университет

Межсубъектные связи, поэтический дискурс, метадискурс, прямой субъектный диалог

Summary. The article is devoted to the research of intersubject relations in the poetic discourse which includes a metadiscourse, direct subject dialogue. Cognitive-communicative intersubject relations in the poetic discourse are dealt with on the material of the poetic texts of the XVIIIth century.

Дискурс – это когнитивно-коммуникативное образование, содержанием которого является текст, погруженный в жизнь, или речевая деятельность в ее событийном освещении. Для корректного исследования межсубъектных связей в поэтическом дискурсе важно помнить, по крайней мере о двух его категориальных свойствах. Во-первых, кроме текста, поэтический дискурс содержит еще и различную экстралингвистическую информацию (знание мира, события, мнения, ценностные установки), играющие особенно важную роль в понимании и восприятии поэтической речи. Во-вторых, совокупность сформированных в определенном социокультурном контексте мнений, ценностных установок, служащих для характеристики дискурса, образует метадискурс. По аналогии с метаязыком – языком «второго порядка», по отношению к которому язык выступает как объект, *метадискурс* можно назвать дискурсом «второго порядка», по отношению к которому дискурс выступает объектом. Пространство метадискурса – это лингвокультурное пространство, в котором определенный вид дискурса подвергается обсуждению и оценке.

Сказанное выше позволяет определить поэтический дискурс в единстве его лингвистических и экстралингвистических составляющих. *Поэтический дискурс – это интегративная и системная (связанная) совокупность поэтических текстов в единстве лингвистических, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических факторов их порождения и восприятия.* При этом мы исходим из того, что каждый поэтический текст существует в особом дискурсивном пространстве. Поэтический метадискурс, т. е. дискурс, включающий тексты о поэтических текстах, является элементом поэтического интердискурса, под которым понимаются специфические условия осуществления дискурсивного процесса (М. Пеше и К. Фуко), то есть те факторы, которые извне обуславливают форму и содержание дискурса. Единичны поэтического метадискурса представлены разными формами: критикой, журнальными статьями, заметками, письмами, высказываниями, записками о поэтическом творчестве.

Особое место в метадискурсивном пространстве занимает *автометадискурс*, представляющий собой самоописание (автометадескрипцию, автоинтерпретацию), т. е. код автора, имплицитный или эксплицитный в текстах о художественных текстах.

Автометадискурс реализуется и в собственно поэтических текстах, в частности, программной для русского поэтического дискурса темой является тема «роли поэта и поэзии». Так, метадискурсивная цепочка связывает в поэтическом дискурсе XIX века тексты А. С. Пушкина («Поэт и толпа»), М. Ю. Лермонтова («Журналист, читатель и писатель») и

Н. А. Некрасова («Поэт и гражданин»); в XX веке в эпитафии «Смерть поэта» Пастернака пересекаются четыре имени: Лермонтов – Пушкин, Пастернак – Маяковский. Свообразие подобного диалога заключается в том, что поэтические тексты демонстрируют не высказывание, а жизнь идеи, выраженной в художественной форме. В них отражаются творческие поиски художника, определяются способы его поэтического самовыражения. Это одновременно предмет и взгляд на предмет, речь и речь об этой речи, литература-объект и металитература. В подобных случаях реализуются косвенно-межсубъектные отношения – метатекстуальные переклички осуществляются на разных семантических уровнях произведения, принимая форму более или менее явного намека, иногда сопровождающегося прямыми ссылками на конкретного автора, текст или персонаж.

В поэтическом метадискурсе существует особый жанр – стихотворное послание к поэту, когда формой апелляции к собеседнику является прямое обращение. В этом случае поэты вступают в прямой субъектный диалог. Для поэтического послания характерны следующие черты:

1. **Адресность.** Поэтическое сообщение маркировано – адресат определен в заглавии, эпитафии или в прямом обращении в тексте. Многочисленны маркированные поэтические послания в поэзии А. С. Пушкина: «К Батюшкову», «К Батюшкову», «К Дельвигу», «Дельвигу», «К Жуковскому», «Жуковскому», «Вяземскому», «Денису Давыдову», «К Языкову» и т. д. Отсылки к каким-либо текстам в составе данного текста ориентированы на совершенно конкретного адресата – того, кто в состоянии опознать интертекстуальную ссылку, оценить ее выбор и адекватно понять стоящую за ней интенцию.

2. **Метатекстуальность.** То, что адресат – поэт, определяет особенность текстов, отличает их от маркированных дружественных и любовных посланий. Объектом исследования в них является словесное (поэтическое) творчество. Так, тема «поэт и его творчество» задается в самом начале большинства пушкинских посвящений. Ср. *Философ милый и шит, Парнасский счастливый ленивец... (К Батюшкову); Послушай, муз невинных Лукавый духовник... (К Дельвигу), Благослови, поэт!.. в тиши парнасской сени Я с трепетом склонил пред музами колени... (К Жуковскому); Напрасно, пламенный поэт, Свой чудный кубок мне подносишь И выжить за здоровье просишь (Ответ Катенину).*

3. **Диалогичность.** Так как объектом обсуждения является поэтическое творчество, автор имплицитно или эксплицитно вступает с собеседником в диалог, нередко используя при этом языковую игру. Если в поэзии XVIII–XIX веков распространено прямое обращение (см. приведенные выше примеры из произведений А. С. Пушкина), то в XX веке ав-

торы вступают в диалог чаще косвенно, используя элементы языковой игры.

4. «**Авторская открытость**». В данном случае снимается характерное для поэтического текста несоответствие автора и лирического героя. Особенность поэтических посланий заключается в том, что в них лирический герой максимально приближен к собственному я: назвав собеседника по имени, поэт не может скрывать свое. В стихотворении Пушкина «К Жуковскому», описываются и личные переживания, и детали биографии юного поэта, которые он сам же уточняет: *Страшусь, неопытный, бесславно паденья, Но пылкого смирить не в силах я влечения, Не грозный приго-*

вор на гибель внемлю я: Сокрытого в веках священный судья, Страж верный прошлых лет, наперник муз любимый И бледной зависти предмет неколебимый Приветливым меня вниманьем ободрил (примеч. Пушкина – Карамзин).

В подобных поэтических диалогах отражаются когнитивно-коммуникативные межсубъектные отношения в поэтическом дискурсе между авторами поэтических текстов.

Непосредственные межсубъектные связи характерны уже для поэтического дискурса XVIII века. В своем докладе мы рассмотрим, как строится один из поэтических диалогов, в котором задается традиционная для поэтического дискурса XVIII века схема межсубъектных отношений.

К вопросу о формировании начального блока в текстах деловой письменности

И. А. Шушарина

Курганский государственный университет

Начальный блок документа, номинатив названия, дестинатив названия

Summary. Analyzing the structure of the initial block of contemporary business texts and texts XVIII c., we focused attention on noncoincidence their syntaxeme, shaping the name of document. Now the name of document takes shape by nominative (nominative of designation). In the texts XVIII c. its place occupied destinative. To the development of nominative from destinative of name is dedicated our article.

Анализируя структуру начального блока современных деловых текстов и текстов XVIII века, мы обратили внимание на несовпадение их оформления. В частности, это несовпадение касается синтаксисом, оформляющих название документа.

В современном русском языке название документа оформляется номинативом (именительным наименованием): *Договор; Заявление; Объявление; Приказ* и т. п. Номинатив представляет собой свободную синтаксему, которая занимает позицию вне предложения, обладает самостоятельным денотативным значением и обозначает вид текста. И все же нетрудно заметить, что еще и сейчас название документа косвенно указывает на его назначение, а значит, свидетельствует о возникновении номинатива из дестинативной синтаксемы.

В текстах XVIII века название документа не было свободным. Оно включалось в предложение, составляющее начальный блок, и занимало препозицию, постпозицию, интерпозицию или опоясывающую позицию по отношению к другим синтаксемам:

Наставление которое бы священники своим прихожанам со увещанием читать и темъ удерживать ихъ могли от присоединения к самозванцу [3, л. 92а];

Его пре: господину таболскому гражданскому губернатору дмитрею родионовичу курганского ку: и ме: общества покорнейшей репортъ [1, л. 270]; *Курганскому купецкому и мячанскому обществу предложение* [1, л. 137];

изъ курганского духовнаго правления приказъ сѣщенникам Митрею Зудилову Григорью Калугину и Никитю Федорову [2, л. 95]; *явлено писмо закладное курганской округи крестьяни (Sic!) елисея кривоного (Sic!) в нижеследующем* [1, л. 305об.];

описьъ господина Пермскаго вице Губернатора жены ево Марьи ивановои розинговой дому [1, л. 367].

Обращает на себя внимание, что в положении препозиции и особенно постпозиции в текстах XVIII века название документа, безусловно, тяготеет к номинативу, а семантика назначения ослаблена, но в интерпозиции и опоясывающей позиции семантика назначения документа очень сильна. Пронаблюдаем, как представлены эти позиции в деловых текстах рассматриваемого периода.

Наиболее распространенными видами начального, представительского блока правительственных документов (указов, промеморий, приказов, предложений) и рапортов об их исполнении, являются следующие:

1) название (номинатив / дестинатив наименования) + сурсив имени + локативный сурсив + локатив + адресат – около 30% всех анализируемых текстов;

2) сурсив имени + (локативный сурсив) + локатив + (адресат) + название (номинатив / дестинатив наименования) – 23% всех текстов.

В бумагах, обращаящихся внутри уезда или епархии, и в частно-деловых текстах построение начального блока более свободно. Название включается в ткань документа, сопровождаясь самыми различными синтаксемами, среди кото-

рых сурсив, локатив и адресат могут присутствовать, но не являются обязательными. Интерпозиция названия проследивается в 39% всех текстов, опоясывающая позиция – в 8% всех текстов. В целом это свидетельствует о продолжающемся упорядочении места членов предложения, но в то же время и о том, что документ еще не имеет названия в современном его понимании, а следовательно, и семантика номинатива названия находится еще в стадии становления. Эту мысль подтверждают и наши наблюдения, основанные на анализе названия документов, заключенных в пяти единицах хранения Государственного архива Курганской области. Мы пришли к следующим выводам.

В документах XVIII века именительный наименования не образует свободной синтаксемы, а органично включается в начальный блок документа, представляющий собой сложное синтаксическое целое. При этом семантико-синтаксическое окружение именительного наименования, поясняющее, от кого и откуда исходит документ, кому он адресован и по какому поводу составлен, делает актуальным не только номинативное, но и дестинативное значение.

Актуализация дестинативного значения происходит и в том случае, если смысл общего названия уточняется вторичным дестинативом, конкретизирующим название: *письмо закладное, письмо вексельное, письмо договорное, письмо долговое, письмо заемное; опись дому, опись имению; наставление прихожаномъ* и др. В последнем случае немаловажное значение играет и сама лексема, выступающая в качестве наименования. Ее отглагольное происхождение сообщает синтаксеме в целом эллиптически выраженную предикативность, благодаря которой семантика назначения усиливается. При этом если заглавие документа входит в субъектно-предикатную пару (причем предикат выражен явно, а не имплицитно), сильнее проявляется номинативное значение: *явлено писмо закладное; наставление... читать... могли*. То же самое происходит и в том случае, если заглавие выделяется в отдельную строку, что, впрочем, в письменности XVIII века бывает крайне редко.

Таким образом, для деловой письменности XVIII века, когда речь идет о заглавии документа, правомерно говорить не о номинативе, а о дестинативе названия. Формирование новой синтаксемы проходит длинный и сложный путь, связанный с постепенным обособлением заголовка, отделением его от остального текста и вынесением в отдельную строку, а также с актуализацией видового наименования документа.

Литература

1. Курганская старина: Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья. / Изд. подготовили Р. П. Сысуева, И. А. Шушарина. Вып. 1. Курган, 1999.
2. Курганская старина: Материалы Знаменской церкви села Московского: В 2-х ч. / Изд. подготовили И. А. Шушарина, Р. П. Сысуева. Курган, 2003.
3. 111-1-1. Крестовоздвиженская церковь крепости Звериноголовской Челябинского уезда Оренбургской епархии. Указы правительственного синода Челябинского духовного правления за 1768–1808 годы. 447 листов.

Проблема «гибридных» слов в русском языке

О. Н. Щербань

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

Частицы, междометия, гибридность, эмоции, оценка

Summary. In this report the problem of separation of the small words in Russian on an example of modern works of Literature is considered.

На современном этапе развития художественной литературы в стремлении авторов наметилась тенденция максимально приблизить устную / разговорную форму речи к письменной и передать ее в полном объеме в своих текстах как в диалогической, так и в монологической речи. Для этого им необходимо было использовать фонетические, лексические, синтаксические и семантические ресурсы современного русского литературного языка и обращаться к средствам речи, которые бы в полном объеме передавали все нюансы эмоциональной сферы деятельности человека и максимально воздействовали на читателя, передавая ту смысловую нагрузку, которая была заложена автором изначально в художественный текст.

Одними из таких средств речи являются так называемые «малые» слова, которые, находясь на периферии исследования лингвистики, в последние десятилетия стали завоевывать популярность. Это произошло благодаря развитию категорий прагматики, с ее направленностью на адресата и воздействием на него с определенной целью.

«Малые» слова в русском языке – это наиболее подвижный и открытый класс слов. Связано это с тем, что долгое время они не были детально исследованы и часто относились к частицам речи, которые противопоставлялись другим частям речи. «Малые» слова также отличает размытость категориальных границ, поэтому многие из них бывает трудно идентифицировать в речевой ситуации, когда в ней задействована эмоциональная сторона языка. Здесь «сталкиваются» два таких разряда слов, которые уже сами по себе призваны вносить в процесс коммуникации эмоции, помогающие донести информацию до адресата с той иллюзорной силой, которая была вложена отправителем речи для достижения цели. Этими разрядами слов являются модальные частицы и эмоциональные междометия. В связи с этим одной из острых проблем является проблема гибридности «малых» слов, когда в одном случае лексема начинает совмещать в себе характерные признаки различных разрядов слов. Мы рассмотрели данное явление на примере лексемы *а*, которая в той или иной речевой ситуации проявляет себя то как частица, то как междометие, а в ряде случаев является своеобразным гибридом частицы-междометия.

Модальные частицы и междометия являются одним из эффективных средств создания эмоционально-оценочного плана. Они служат для внешнего описания реакции субъекта на реплики в процессе коммуникации и помогают раскрыть и передать психологическую сторону текста (в данном случае художественного произведения). Несмотря на то, что модальные частицы и эмоциональные междометия

несут различную по своей природе эмоциональную окрашенность, в некоторых случаях довольно сложно дать им четкое разграничение.

При внесении в структуру текста эмоционально-оценочных характеристик между модальными частицами и междометиями пролегает тонкая грань. Часто случается, что довольно трудно определить, где «чистая» частица, где «чистое» междометие, а где данная лексема совмещает в себе функции этих двух разрядов слов. Например:

...В дверь позвонили.

– Это еще кого бог несет? – удивился Малянов, поглядев на часы. – По-моему у нас все дома.

Было без малого десять. Повторяя «У нас знаете ли, все дома...» – он пошел открывать и в прихожей, конечно, наступил на Каляма. Калям вякнул.

– А-а, провались ты, сатана!.. – сказал ему Малянов и открыл дверь...

(Стругацкие. За миллиард лет до конца света).

Модальные частицы несут на себе некоторую смысловую нагрузку и при этом выражают определенные эмоциональные характеристики. Последнее является сферой, где себя в полной мере проявляют междометия и это не дает возможности отнести лексему ни к разряду частиц, ни к разряду междометий, а говорить о промежуточном положении, ее гибридности.

Исходя из всего вышеизложенного, можно выделить несколько критериев, по которым определяется гибридность «малых» слов:

1. Частицы приближаются к междометиям и можно говорить о гибриде, когда частица, помимо своей организующей функции, дает законченное эмоциональное значение.

2. Частицы и междометия с различной интенсивностью передают эмоционально-оценочные характеристики, а также междометия могут нести и смысловую нагрузку, но здесь нельзя говорить о переходе одного класса слов в другой, а только о совмещении тех или иных черт.

3. В тех случаях, когда междометия перестают быть синтаксически обособленными и вступают в конструктивные отношения с членами предложения, но при этом не берут на себя до конца функции частиц, которые более органичны в этой роли.

Проблема гибридности в русском языке все еще остается малоизученной, но при наметившейся тенденции современной прозы к созданию повышенного эмоционально-экспрессивного фона повествования становится продуктивной и развивающейся.